

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№10(34)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2019

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам XXXIV международной
научно-практической конференции*

№ 10 (34)
Ноябрь 2019 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2019

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитько Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам XXXIV междунар. науч.-практ. конф. – № 10 (34). – М.: Изд. «МЦНО», 2019. – 74 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2019

Оглавление	
Раздел 1. История и археология	5
1.1. Отечественная история	5
АНАЛИЗ ПРИЧИН РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В НАСЛЕДИИ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА) Чернышев Иван Александрович	5
Раздел 2. Социология	12
2.1. Социальная структура, социальные институты и процессы	12
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Мотькин Роман Владиславович	12
Раздел 3. Юриспруденция	17
3.1. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	17
ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧАСТНОПРАКТИКУЮЩИХ НОТАРИУСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Дейниченко Юлия Дмитриевна	17
«ПАТЕНТНЫЕ ТРОЛЛИ» КАК ПРИЧИНА КРИЗИСА ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ Узденов Мисрихан Узденович Стрижков Александр Владимирович	21
МОМЕНТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ПЕРЕДАЧЕ ТОВАРА И РИСК ЕГО СЛУЧАЙНОЙ ГИБЕЛИ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ Ульшина Ирина Владимировна	26

3.2. Международное право	31
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА УВАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА) Антипина Виктория Андреевна	31
ПРАВИЛА И ПРИЁМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ (КОНВЕНЦИЯ) Узденов Мисрихан Узденович Стрижков Александр Владимирович	37
3.3. Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность	41
ИНСТИТУТ ЧАСТНЫХ ПРИСТАВОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Семерков Сергей Сергеевич Никитин Павел Владиславович	41
3.4. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	49
НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Керимов Исмаил Жабраилович Новиков Сергей Степанович	49
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ Пеннер Наталья Валерьевна	53
3.5. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	57
ПРОБЛЕМАТИКА СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ Акуленко Анастасия Александровна	57
ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО КАК ВИД КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Сидорина Татьяна Викторовна	63
КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ПРЕВЫШЕНИЕ ЕЁ ПРЕДЕЛОВ Ульшина Ирина Владимировна	68

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

АНАЛИЗ ПРИЧИН РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В НАСЛЕДИИ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА)

Чернышев Иван Александрович

аспирант,

Череповецкий государственный университет,

Гуманитарный институт,

РФ, г. Череповец

ANALYSIS OF THE CAUSES OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE HERITAGE OF METROPOLITAN BENJAMIN (FEDCHENKOV)

Ivan Chernyshev

graduate student,

Cherepovets State University,

Humanitarian Institute,

Russia, Cherepovets

Аннотация. В статье приводятся основные причины революционных событий России начала XX в. в осмыслении известного писателя и церковного иерарха митрополита Вениамина (Федченкова). Исследуется взгляд владыки Вениамина на существующие социальные и экономические проблемы русского общества на рубеже XIX-XX вв. и деятельность Государственной думы в отношении их преодоления. Отдельно рассматриваются духовно-нравственные проблемы русского общества. Также представлен взгляд митрополита Вениамина на сложившийся к началу XX в. кризис церковно-государственных отношений.

Abstract. The article provides basic reasons for the revolutionary events of Russia in the twentieth century as the understanding of the famous writer and Church Hierarchy, Metropolitan Benjamin (Fedchenkov). The Veniamin's view on existing social and economic problems of Russian society at the turn of XIX-XX centuries and the State Duma's work in relation to overcoming them are considered. Spiritual and moral problems of Russian society are examined separately. Also the view of Metropolitan Benjamin at the crisis of Church-state relations in the early twentieth century is represented.

Ключевые слова: митрополит Вениамин (Федченков); Русская Православная Церковь; церковно-государственные отношения; русская революция; Государственная дума Российской империи.

Keywords: Metropolitan Veniamin (Fedchenkov); the Russian Orthodox Church; Church-state relations; the Russian revolution; State Duma of the Russian Empire.

Революционные события, произошедшие в начале XX столетия в нашем Отечестве, стали результатом долгих процессов, развивавшихся в Российской империи. Хотя назревавшие в русском обществе противоречия осознавались современниками, а необходимость государственных преобразований признавалась почти всем населением России, перемены 1917 года для многих оказались неожиданными и весьма резкими. Кардинальная смена государственного строя, идеологии, серьезные и глубокие перемены во всех сферах жизни нашего Отечества стали объектом пристального внимания историков.

Анализируя причины российской революции, необходимо учитывать не только социально-экономические и политические компоненты, но также идеологические позиции и духовно-нравственное состояние общества. В этом отношении важным источником является письменное наследие русских священнослужителей, в силу своей деятельности соприкасавшихся с разными слоями общества, имевших представление о тех настроениях, которые господствовали как в среде высшего света, так и среди простого народа.

Среди священнослужителей – современников революции особо можно выделить видного церковного писателя, митрополита Вениамина (Федченкова) (1880-1961 гг.), оставившего богатейшее литературное наследие. Как отмечают специалисты, он был «автором прекрасных книг по богословию, вдохновенных проповедей, по словам очевидцев, доступных, действенных, запоминающихся. Его мемуары, наполненные глубокими размышлениями, читаются на «одном дыхании», как захватывающий роман» [4, с. 5]. Его труды, зафиксировавшие основные жизненные вехи архипастыря и передающие его мировоззрение, стали

удивительным явлением современности, которые только в наши дни становятся «достоянием широкой читательской публики» [5, с. 152].

Значительное внимание в своих трудах митрополит Вениамин уделил российской революции 1917 года. «Мне кажется, – писал он, – она разразилась будто бы совсем неожиданно для народа. Но, разумеется, исторические события, да еще такого огромного масштаба, не делаются случайно: должны быть какие-то давние и глубокие подпочвенные условия, которые питали революцию и дали ей возможность развиваться бурей» [2, с. 113]. Признавая причиной революции совокупность внешних и внутренних факторов, митрополит Вениамин обращал особое внимание на социально-экономические проблемы и духовно-нравственный кризис в России.

Он указывал на изначально негативное отношение русского общества к такому явлению как революция: «Революция – это было страшное слово и дело. Об этом не только нельзя было говорить, но даже и втайне думать» [2, с. 99]. Причина подобного отношения – глубоко укоренившиеся монархические взгляды в народе: «все мы воспитывались на глубоко монархических принципах, верноподданности, преданности царю и всему строю того времени, считая это самым лучшим убеждением и нравственно прекрасным» [2, с. 99]. Как следствие, любая попытка идеологического обоснования упразднения императорской власти воспринималась как действие, направленное на нарушение благоденствия всего народа.

Социально-экономический строй страны осознавался как священный и незыблемый институт. «Собственность, неизбежное различие богатых и бедных, примирение с униженным политическим и социальным положением низших классов, – все это и принималось, и считалось непреложным законом, не подлежащим изменению или нарушению» [2, с. 98]. Вот почему в крестьянском мире идеи социализма воспринимались с большой опаской. Если возникало ощущение социальной несправедливости, то его старались заглушить, остерегаясь наказания. Но все же значительное влияние на падение Российской империи оказало тяжелое положение крестьянства. Русское общество было ослаблено не только долгим существованием крепостного права, но и нерешенной проблемой материального положения крестьян, нерешенным земельным вопросом. Митрополит Вениамин писал: «среди крестьян была какая-то вера, что будет "черный" (то есть земельный) передел. О земле ходила пословица, что она ничья. Божия, а не частных собственников. Слышались жалобы, что земли мало... говорили о нарастании в народном сознании мысли о тяжелой жизни бедняков и несправедливости, засилии сильных и богатых» [2, с. 113].

Фактическим результатом революции митрополит Вениамин называл долгожданное приобретение крестьянами земли. Он подчеркивал, что защита дореволюционными землевладельцами исключительного права собственности, нежелание наделения этой землей крестьян не имели никаких перспектив: «Помню, как единственный раз мне пришлось быть в Государственной думе на прениях о передаче земель крестьянам. Сам министр Кутлер был за какой-то широкий проект, но его отвергли... И мне припоминается трехчасовая речь южного помещика князя С.М-го: каких только доводов не приводил он в защиту крупного землевладения! И что же? Все было отнято потом...» [2, с. 129]. Нерешенная государством проблема привела к революции, кардинально изменившей права собственности уже при советской власти.

Митрополит Вениамин оценивал состояние и рабочего класса дореволюционной России, в котором, как и в крестьянстве, существовали внутренние проблемы и социальное напряжение. Создание Государственной думы, по его мнению, не смогло решить существовавшие проблемы: «Осенью царь дал Конституцию и Думу. Полились революционные речи... Однако эксцессы революции были подавлены правительством... Но эта победа была непрочна, так чувствовали многие из нас. Вместо обычного смирения начинали расти в народной душе раздражение и молчаливый протест. Дума тоже ничего особенного не дала» [2, с. 129]. Митрополит Вениамин не раз отмечал незначительную роль парламента: «Поднимался в Думе вопрос о земле, но тоже бесплодно. И как-то скоро образовалось неверие в эту говорильню. Мне думается, что в народе существовало неясное чувство, что и Дума – барское дело, а не народное, компромиссно-буржуазное, а не радикально-рабочее. Я думаю, тут было много правды, поэтому и к разгонам ее массы относились совершенно равнодушно, выбирали лениво новых думцев и успокаивались. Не видно было ярких перемен в жизни» [2, с. 129].

Революционные явления стали причиной более серьезного процесса – в русском народе стал падать авторитет монархии, «критика царя среди публики шла совершенно открыто» [2, с. 132]. Особым поводом к критике императора Николая II послужили события, связанные с деятельностью священника Г.Гапона. Владыка Вениамин оставил следующие воспоминания по этому поводу: «Тысячи рабочих, с крестами и хоругвями двинулись из-за Невской заставы к царскому дворцу с просьбой, как тогда говорили... Народ шел с искренней верой в царя, защитника правды и обижаемых. Но царь не принял его, вместо этого был расстрел... Несомненно, что тут была подстрелена (но еще не расстреляна) вера в царя... очарование царем упало» [2, с. 122-123]. Как следствие произошел разрыв между народом и правительством: «Пала вера и в силу царя, и этого строя» [2, с. 123].

Таким образом, социальное напряжение и потеря доверия к монархии стали мощными импульсами, давшими революции жизнь: «Нужно было ждать иных путей и других реформ. Когда они придут, никто не знал ясно, но спокойная ровная жизнь была уже утеряна целой страной» [2, с. 130]. Прорыв революционных сил произошел в 1905 г., но в тот момент они еще не были развиты достаточно. Поэтому государство сумело своими средствами остановить революционное движение, но не смогло предотвратить произошедшее в 1917 г., когда революционные движения оказались более мощными: «в 1905 году оказалась: революция была уже у порога русской истории. И удержать ее от взрыва было уже невозможно ни репрессиями, ни уступками. Стихийные исторические явления как весенние потоки обычно докатываются до своего конца» [2, с. 127].

Но митрополит Вениамин не ограничивался рассмотрением социальных и политических проблем в качестве причин революции 1917 г. Для него значимым являлся вопрос духовно-нравственного состояния русского общества: как русский народ, веками исповедовавший христианство, вдруг становится на путь преследования любой формы религиозной жизни в своей стране? Причина русского атеизма, согласно владыке Вениамину, заключалась в процессе секуляризации общества, начало которого он отсчитывал с эпохи императора Петра I. Его реформами Русская Церковь была включена в государственный аппарат и, как следствие, увеличился разрыв между духовенством и обществом. «С Петра Великого, – писал он, – духовенство ... было не в почете. Церковь вообще была сдвинута тем государем с ее места учительницы и утешительницы». Иерарх указывал и на развитие атеизма в русском народе в то время: «Теперь Господь допустил безбожную власть – за наше маловерие: жнем, что сеяли 18-го и 19-го столетия!» [4, с. 150].

В анализе революционных событий необходимо учитывать роль Церкви в жизни общества, которая должна определяться в контексте поиска духовного, нравственного авторитета. Иными словами, Церковь и Россия в то время остро нуждались в «подвижниках, готовых примером своей жизни, своим словом, духовным опытом, способностью организовать епархиальную и приходскую жизнь, повести за собой» [6, с. 5]. На деле же в большей степени все получалось наоборот. «Секулярное общество России, – писал митрополит Вениамин, – в те времена все более забывало о христианском идеале, и как следствие, образ Христов закрывался материальными попечениями в глазах духовенства... влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, авторитет духовенства падал» [2, с. 122].

Рассуждая о значении Великой российской революции 1917 г. владыка Вениамин находит в этих событиях и некую положительную

составляющую: «Россия уже вышла на мировую арену. Этого не было доселе за всю ее историю – в таком масштабе... Социалистический переворот после революции 1917 года пронес ее имя уже на весь мир. Но это было двойственное: с одной стороны, рабочие классы ожили в своих идеях и надеждах; зато высшие и правящие классы мира встали в жестокую оппозицию. Россия, правда, прославилась; но, так сказать, – больше отрицательно» [1, с. 15].

Различные обстоятельства жизни дореволюционной России, как показал владыка Вениамин, держали общество в постоянном внутреннем напряжении – ожидании. Идеологическая подготовка масс, постоянное столкновение интересов государственной власти и различных слоев населения, общий упадок религиозного сознания и сильнейшее утомление войной, все это явилось идейными и фактическими истоками, приведшими к революционным событиям в России в начале XX в. Для церковного мыслителя являлось очевидным, что оскудение религиозного чувства было сопряжено с проникновением либеральных тенденций в сознание народа; доминирующее тяготение к материальным благам стало причиной формирования потребительского характера. Отторжение евангельских идеалов функционально связано с падением нравственности, которая является самой глубокой основой личности. Таким образом, на фоне секулярного веяния того времени перед нами четко обрисовывается кризис личностей, впавших в крайний индивидуализм и на волне социокультурных обострений стихийно объединившихся в революционный порыв. По наблюдениям владыки Вениамина, революционные события лишь обнажили глубокое духовно-нравственное оскудение народных масс. В болезненном переживании нехватки духовных идеалов, российское общество начала XX столетия находилось в поиске удовлетворения своих материальных благ. Тем не менее, острая потребность истинной религии, которая стала ощущаться сразу же после реализации идей революции, стала отправной точкой в процессе обновления русского общества.

Список литературы:

1. Вениамин (Федченков), митр. «За Православие помилует меня Господь...». – СПб.: Царское дело, 1998. – 126 с.
2. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. – М.: Отчий дом, 1994. – 448 с.
3. Вениамин (Федченков), митр. О вере, неверии и сомнении / Вступ. ст., примеч., подготовка текста А.К. Светозарского. – СПб.: Нева – Ладога – Онега, М.: Русло, 1992. – 224 с.

4. Вениамин (Федченков), митр. «Послужи народу...». Два сорокоуста / Сост. С. Фомин. – М.: Паломник, 1999. – 318 с.
5. Иларион (Алфеев), иером. Православное богословие на рубеже столетий. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. – 426 с.
6. Ореханов Г., иер. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. – М.: ПСТБИ, 2002. – 221 с.

РАЗДЕЛ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мотькин Роман Владиславович

аспирант

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
РФ, г. Саранск*

SOCIAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF ARBITRATION MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Roman Motkin

postgraduate Student,

*Ogarev Mordovia State University
Russia, Saransk*

Аннотация. Процедура несостоятельности, то есть признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, характеризуется высокой степенью социальной значимости и конфликтностью, что обусловлено столкновением экономических интересов участвующих в деле лиц.

Автором статьи рассмотрены аспекты развития института арбитражного управления, выявлен ряд острых социально-правовых проблем в сфере, а также предложены меры по устранению выявленных пробелов.

Abstract. Insolvency procedures are characterized by a high degree of social significance and conflict, which is due to the clash of economic interests of persons involved in the case.

The author of the article examined aspects of the development of the institution of arbitration management, identified a number of acute social and legal problems in the field, and also proposed measures to address the identified gaps.

Ключевые слова: несостоятельность; арбитражный управляющий; стадии банкротства; должник; платежеспособность; кредитор; социальный конфликт

Keywords: insolvency; arbitration manager; bankruptcy stages; debtor; solvency; creditor; social conflict.

Исследование будет проведено при поддержке гранта РФФИ 19-311-90072.

Банкротство является развивающимся и широко востребованным механизмом освобождения неплатежеспособных участников рынка от обязательств и восстановления платежеспособности должников.

Процедуры банкротства проходят под контролем арбитражных судов и осуществляются арбитражными управляющими – лицами, социально-правовой статус которых с момента появления в российском праве является чрезвычайно динамичным.

Сфера несостоятельности в Российской Федерации демонстрирует устойчивый рост как по числу осуществляемых процедур банкротства, так и по числу потенциальных банкротов. Вместе с этим, с ростом популярности института обостряются и его проблемы, связанные, в первую очередь, с рядом нерешенных социально-экономических вопросов.

Одной из ключевых проблем, на наш взгляд, является недостаточная защищенность прав работников в процедуре банкротства. (По состоянию на 1 сентября 2019 г. согласно сведениям Росстата, непогашенной остается задолженность по заработной плате в размере 2 604,9 млн рублей.) [1].

Законодателем предпринят ряд мер, направленных на защиту прав работников в процедуре несостоятельности.

Работникам, перед которыми имеется задолженность по оплате труда, было предоставлено право обращения в Арбитражный суд с заявлением о признании работодателя банкротом [2], на практике оказавшееся сложно реализуемым, что объясняется:

- низкой правовой грамотностью работников, не способных осуществить трудоемкую юридическую работу по сопровождению спора

в арбитражном суде, а также не имеющим финансовой возможности привлечь квалифицированного специалиста;

- минимальным размером задолженности в 300 000 рублей для введения процедуры банкротства;
- страхом потерять работу (зачастую, единственную в месте жительства работника) вследствие подачи соответствующего заявления.

Другим нововведением стал институт собрания работников, должника, основным полномочием которого стал выбор представителя работников должника для целей защиты их интересов в процедуре.

Наконец, были внесены важные изменения в порядок удовлетворения требований кредиторов, установившие приоритет требований о выплате задолженности по оплате труда в размере не более чем тридцать тысяч рублей за каждый месяц на каждого человека.

Вышеуказанные изменения свидетельствуют о попытке законодателя сделать максимально возможным быстрое и полное удовлетворение требований работника при банкротстве работодателя.

Вместе с тем, указанные меры, на настоящий момент, к сожалению, представляются недостаточно эффективными.

Возможным решением могло бы стать введение института бесплатного государственного юридического сопровождения процедуры банкротства для работников должника.

Другим способом является создание государственной системы страхования работников предприятий от невыплаты заработной платы по аналогии с действующей системой обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации, при которой работники могли бы в случае неплатежеспособности работодателя оперативно получить возмещение в созданной государственной корпорации либо в Фонде социального страхования Российской Федерации [3].

Другой важной проблемой института банкротства, на наш взгляд, является социально-экономическая незащищенность арбитражного управляющего – ключевой фигуры процедуры банкротства, которая привела к стагнации роста числа арбитражных управляющих в Российской Федерации в 2016 г. - 2019 г., несмотря на существенное увеличение количества процедур несостоятельности за указанный период, в первую очередь за счет роста числа процедур банкротства граждан [4].

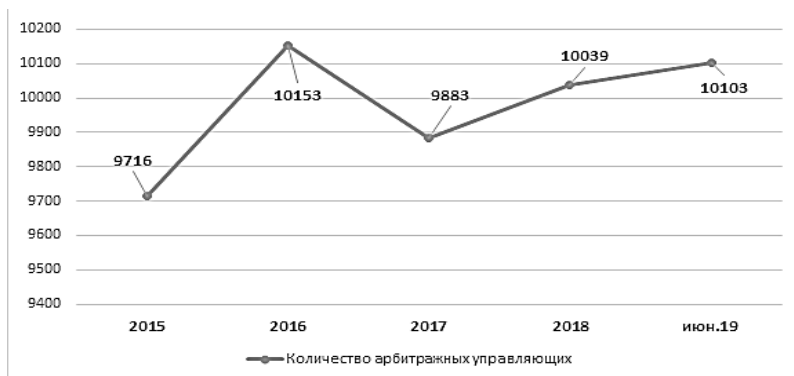

Рисунок 1. Количество арбитражных управляющих в 2015 - 2019 г.

В частности, в 1 кв. 2017 г. арбитражными судами было вынесено **6018** судебных решений о признании гражданина банкротом, а во 2 кв. 2019 г. - **15 712** соответствующих решений.

Стагнация обусловлена рядом причин, в числе которых:

1. Ужесточение условий деятельности арбитражных управляющих, проявившееся, в частности, во введении административной дисквалификации на срок до 3 лет за повторное нарушение пункта 3 ст. 14.13 КоАП РФ (Неправомерные действия при банкротстве);

2. Экономические условия деятельности арбитражных управляющих (размер фиксированного вознаграждения арбитражного управляющего не индексируется с 2008 года), несопоставимость вознаграждения арбитражного управляющего и его ответственности (гражданской, административной, уголовной);

3. Профессиональная разобщенность арбитражных управляющих;

4. Специфика работы в высоко конфликтной среде.

Работа арбитражного управляющего характерна вариативностью выполняемых трудовых функций, взаимодействием с широким кругом субъектов, направленностью на поддержание баланса интересов должника, кредиторов и общества. Указанные факторы требуют не только высокого уровня профессиональной подготовки, но и развитых навыков в менеджменте, конфликтологии, управлении кризисами.

Возможным решением соответствующего комплекса проблем является придание арбитражному управляющему правового статуса, аналогичного статусу судьи, нотариуса или адвоката, изменение структуры вознаграждения, а также введение определенных налоговых льгот.

Изучению этих и других вопросов с целью подготовки проектов законов о внесении изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» будет посвящено фундаментальное научное исследование “Социальные аспекты развития института арбитражного управления в Российской Федерации”.

Список литературы:

1. Об Агентстве // Официальный интернет-портал Агентства по страхованию вкладов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.asv.org.ru/agency/> (Дата обращения 11.11.2019 г.)
2. Росстат: "О просроченной задолженности по заработной плате на 1 сентября 2019 года" // Официальный сайт Национальной Ассоциации нефтегазового сервиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://nangs.org/analytics/rosstat-o-prosrochennoj-zadolzhennosti-po-zarabotnoj-plate> (Дата обращения 11.11.2019 г.)
3. Сведения из сводного государственного реестра арбитражных управляющих // Официальный интернет-портал федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rosreestr.ru/site/ur/poluchit-svedeniya-u-arbitrazhnykh-upravlyayushchikh/svedeniya-iz-svodnogo-gosudarstvennogo-reestra-arbitrazhnykh-upravlyayushchikh/> (Дата обращения 11.11.2019 г.)
4. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.11.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?start_search&fattrib=1 (Дата обращения 11.11.2019 г.)

РАЗДЕЛ 3.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

3.1. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧАСТНОПРАКТИКУЮЩИХ НОТАРИУСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дейниченко Юлия Дмитриевна

магистрант

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Москва

Институт нотариата играет особую роль в деятельности государства, а нотариусы обладают широким кругом прав и обязанностей, в связи с чем возникает важный вопрос, касающийся имущественной ответственности частнопрактикующих нотариусов за совершение действий, нарушающих закон.

Положения об ответственности частнопрактикующих нотариусов закреплены в статье 17 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате». По мнению Иншаковой А.О., данная статья является одним из примеров принципа латинского нотариата [5].

За ведение частнопрактикующим нотариусом такой профессиональной деятельности, которая нарушает законодательство, действующее на территории Российской Федерации, нотариус должен быть привлечен к ответственности.

При причинении вреда частнопрактикующим нотариусом вследствие его неумышленных действий такой вред должен быть возмещен гражданину или юридическому лицу самостоятельно частнопрактикующим нотариусом в том случае, если он не может быть возмещен иным способом. В данном случае под иным способом понимается такой способ, который закреплен в статье 18 законодательства о нотариате.

В соответствии с данной статьей одной из обязанностей частнопрактикующего нотариуса является обязанность заключать договор страхования гражданской ответственности. Вместе с тем объектом страхования выступают имущественные интересы, которые связаны с риском ответственности частнопрактикующего нотариуса по обязательствам, которые возникают из-за того, что юридическому лицу, гражданину или третьим лицам (при осуществлении нотариальных действий) был причинен имущественный вред.

При этом частнопрактикующий нотариус, который удостоверяет договоры ипотеки и договоры, предметом которых является распоряжение недвижимым имуществом, должен заключить договор гражданской ответственности, страховая сумма которого должна быть не менее чем пять миллионов рублей [8]. При этом следует обратить внимание на то, что страховое возмещение за причиненный вред должно быть осуществлено в том размере, в котором был реально понесен ущерб, но в пределах страховой суммы.

Вместе с тем возмещение ущерба должно быть произведено и в порядке статьи 1072 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которой в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации частнопрактикующий нотариус может быть признан невиновным в причиненном вреде юридическому лицу или гражданину в том случае, если он при должной степени осмотрительности, заботливости, необходимой в соответствии с условием оборота и с характером обязательства, принял все меры, требуемые для надлежащего исполнения обязательства [7].

Важным критерием несения полной имущественной ответственности частнопрактикующим нотариусом является наличие его вины.

В соответствии со статьей 17 законодательства о нотариате частнопрактикующий нотариус несет полную имущественную ответственность в трех случаях:

1) в случае вреда имуществу юридического лица или гражданина, который причинен по вине частнопрактикующего нотариуса в результате совершения действий, нарушающих закон;

2) в случае реального ущерба, который причинен частнопрактикующим нотариусом в результате разглашения сведений о совершенных нотариальных действиях и в результате отказа в совершении нотариальных действий, являющегося неправомерным;

3) в случае вреда, который был причинен работниками частнопрактикующего нотариуса либо лицом, которое временно замещало

частнопрактикующего нотариуса (при совершении ими обязанностей, которые связаны с нотариальной деятельностью) [8].

Важно отметить, что действие частногопрактикующего нотариуса можно признать неправомерным в том случае, если при осуществлении профессиональной деятельности он нарушил нормы законодательства о нотариате, в результате которых им было нарушено субъективное право [7].

Таким образом, причиненный частнопрактикующим нотариусом в процессе профессиональной деятельности вред должен быть возмещен частнопрактикующим нотариусом за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, или в случае недостаточности этого страхового возмещения – за счет страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, или в случае недостаточности последнего страхового возмещения – за счет личного имущества нотариуса, или в случае недостаточности его имущества – за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты (статья 17) [8].

Следует отметить, что согласно статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации частнопрактикующий нотариус может быть освобожден от возмещения вреда, если сможет доказать, что имущественный вред был причинен не по его вине [3].

Хотелось бы обратить внимание на то, что за вред, который был причинен действиями или бездействием частнопрактикующего нотариуса, государство либо государственные органы не несут какой-либо ответственности.

Вообще, в юридической литературе термин «ущерб» определяется как синоним термину «вред» (в широком смысле). В узком же смысле понятие «ущерб» на законодательном уровне применяется вместе с прилагательным реальный, при этом он определяется как разновидность убытков. В соответствии со статьей 15 ГК РФ убытки – это расходы, произведенные лицом, чьи права были нарушены, для того, чтобы восстановить нарушенные права, чтобы восстановить утрату или повреждение имущества, чтобы восстановить неполученные доходы – упущенная выгода [2].

В связи с тем, что зачастую частнопрактикующие нотариусы осуществляют свою деятельность для защиты имущественных прав юридических лиц и граждан, то можно сделать вывод, что действия частногопрактикующего нотариуса, нарушающие закон, могут причинить только имущественный вред. Но такая позиция является верной лишь для юридических лиц, поскольку частнопрактикующие нотариусы при осуществлении нотариальной деятельности могут причинить гражданам

еще и моральный вред, так как нарушением каких-либо прав человека ему причиняются нравственные страдания. В случае нарушения личных нематериальных прав граждан либо в случае посягательств на другие нематериальные блага, согласно статьям 151 и 1099 ГК РФ, моральный вред подлежит компенсации. Однако на практике в управления Минюста или в нотариальные палаты в основном поступают жалобы на возмещение имущественного вреда, причиненного неправомерными действиями либо бездействием частнопрактикующего нотариуса [6, с. 56].

Ученые Ярков В.В., Зайцева Т.В. считают, что частнопрактикующего нотариуса следует привлекать к полной имущественной ответственности только в том случае, если было совершено преступление, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации [4, с. 345]. По моему мнению, данная позиция не является верной.

Согласно статистическим данным, на практике частнопрактикующие нотариусы редко привлекаются к ответственности по жалобам граждан за их неправомерные действия или бездействие. Так, на основании сводного отчета по Минюсту России можно сделать вывод, что в 2018 году в управление Минюста России по субъектам Российской Федерации на действия (бездействие) частнопрактикующих нотариусов поступило 784 жалобы, а обоснованными признано всего 55 жалоб. В нотариальные палаты в отчетном периоде поступило 5180 жалоб, а обоснованными признано всего 192 жалобы. Вместе с тем в отношении частнопрактикующих нотариусов было проведено всего 2886 проверок [9].

Несмотря на то что ни одна система публичных органов не может функционировать на все сто процентов, важно, чтобы любой вред, причиненный действием или бездействием государственных органов, был возмещен. Таким образом, действующее законодательство является своеобразной формой реагирования на нарушение частнопрактикующим нотариусом прав и законных интересов граждан или юридических лиц, устанавливая определенные меры ответственности, в том числе имущественной.

Список литературы:

1. Белякова М.С. Особенности имущественной ответственности частнопрактикующего нотариуса в Российской Федерации // Юстиция. – 2016. – № 4. – С. 61-64.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

4. Зайцева Т.В., Яров В.В. Настольная книга нотариуса: В 2-х т. – М.: Бек, 2000. – Т. ? – 678 с.
5. Иншакова А.О. Нотариат: Учебник и практикум для бакалавриата, специалитета и магистратуры. – М.: Юрайт, 2019. – 419 с.
6. Миронов А.Н. Нотариат: Учебное пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2019. – 195 с.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2011 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.12.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 2.
8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. – 1993. – № 49.
9. Сведения о нотариате в Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/2018/svedeniya-o-notariate-v-rossiyskoy-federacii> (Дата обращения: 03.04.2019).

«ПАТЕНТНЫЕ ТРОЛЛИ» КАК ПРИЧИНА КРИЗИСА ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ

Узденов Мисрихан Узденович

студент

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Москва

Стрижков Александр Владимирович

студент

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Москва

«Патентные тролли» (patent troll) – это фирмы специализирующиеся на регистрации и скупке патентов с целью последующего судебного либо внесудебного (претензионного) преследования лиц незаконно использующих запатентованные этими фирмами объекты интеллектуальной собственности исключительно с целью получения компенсации.

Чаще всего патентные тролли действуют по следующей схеме: выбирают определенную область деятельности, в которой они обладают техническими знаниями, исследуют ее и стараются выявить «слабые места» в применяющихся технических решениях. Затем патентные тролли начинают регистрацию отдельных узлов и деталей незапатентованных полезных моделей или дизайна и внешнего вида незапатентованного промышленного образца. Для получения максимальной прибыли «тролли» предпочитают действовать следующим способом: когда потенциальная жертва начинает выпуск продукции с использованием защищенных прав объектов интеллектуальной собственности, на этапе когда продукция поступает в продажу, «патентный тролль» неожиданно появляется с юридически безупречно составленной претензией и требует огромных компенсационных выплат. При этом сумма претензионных требований формируется из расчета уже выпущенной продукции. В подобных ситуациях компания выпускающая продукцию может даже и не знать, что используется ею изобретение, технология и т. п. уже запатентовано и охраняется законом. Расчет взыскателей здесь состоит в том, что сворачивание производства приведет к огромным убыткам и поэтому легче удовлетворить требования правообладателя. Тем более последний вовсе не собирается банкротить «жертву» его задача лишь получить свою долю.

Мы увидели в приведенной выше модели поведения «троллей», каким рискам подвергаются производители в высокотехнологичных секторах экономики в настоящее время. К сказанному выше остается только процитировать Колина Чина (Colleen Chien) профессора из университета Санта-Клара, который охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «это означает, что фирмы, которые ничего не производят, подают гораздо больше исков, чем те, что делают хоть что-то».

Ранее патентные тролли в России не были распространены в силу особенностей экономического развития и невысокой ценности интеллектуальной собственности, а теперь этому способствуют следующие факторы: 1) патентные тролли получают поддержку фирм, которые оказывают услуги в сфере регистрации патентов; 2) в отличие от регистрации, процесс оспаривания патента требует внушительных затрат, которые не возмещаются в случае отмены действия патента; 3) обычно потерпевшими становятся дилеры/дистрибьюторы, мало разбирающиеся в технических вопросах; 4) до 01.10. 2014 г. Роспатентом не проверялось, соответствуют ли условиям патентоспособности подаваемые заявки на регистрацию полезных моделей; 5) в Российской Федерации нет четкой системы, позволяющей привлечь к ответственности за такие правонарушения.

Большой проблемой для регулирования отношений в сфере патентного права является не возможность на правовом уровне разграничить «патентных троллей» от добросовестных производителей желающих защитить свои изобретения в противном случае подобной проблемы и вовсе не существовало. Однако в теории можно выделить следующие признаки «патентных троллей»:

1. регистрация большого количества патентов;
2. отсутствие, какого-либо иного вида деятельности кроме регистрации патентов и получение иных правоохранительных документов на объекты интеллектуальной собственности;
3. наличие специализирующейся на «интеллектуальных правах» юридической службы;
4. обладают иммунитетом к встречным искам, поскольку не каким производством не занимаются;
5. агрессивная претензионная деятельность.

Самым первым прецедентом «патентного троллинга» считается событие, произошедшее в XIX веке, когда патент на знаменитую лампу накаливания с углеродной нитью был куплен за 5000\$ (по нынешним временам эта сумма будет равняться примерно 150000\$) Томасом Эдисоном у владельцев патента на нее. Тем не менее, Томасу Эдисону все равно пришлось защищать право на свое изобретение в многочисленных судебных процессах по искам других изобретателей со схожими идеями.

Если смотреть хронологию, то до 70-х годов патентные споры носили эпизодический характер, однако, ситуация резко изменилась с бурным развитием IT-индустрии. Первые классические «патентные тролли» появились в США в начале 90-х годов. Именно в это время в мире началось формирование информационного общества, когда информация стала таким же значимым активом, каким была земля во времена Римской империи. Кроме этого, стоимость информационных активов в отличие от материальных обладает свойством к резкому росту за очень короткий отрезок времени. В качестве доказательства достаточно привести пример, когда уже в ходе судебного процесса «SCO Group против IBM» первоначальная сумма иска, составляющая \$1 млрд., в процессе судебного разбирательства выросла до \$5 млрд. [1].

Вторая резонансная история патентного троллинга в РФ связана с обладателем патентов РФ под номерами 2008102012, 74862, 74603 и 74602 с с общей датой приоритета от 27 декабря 2006 г. (патент на изобретение и три патента на полезные модели с общим названием «Амортизатор транспортного средства»). Патентообладатель Олег Тихоненко пытался получить с иностранных компаний-производителей автомобильных амортизаторов от 30 млн евро до 50 млн евро. В числе

нарушителей патентных О. Тихоненко оказались: японская компания Kayaba (торговая марка KYB), немецкая компания ZF Trading (марки Sachs и Voge) и американская компания Gates (марка Bilstein). Патентообладатель обращался в отделы по экономическим преступлениям с целью остановить продажи контрафактных, по его мнению, амортизаторов, что ему удалось: был арестован склад одного из поставщиков [3].

Одним из последних примеров «патентного троллинга» является иск компании VirnetX, уже хорошо известной как патентный тролль. VirnetX в очередной раз удалось доказать незаконное использование своих патентов сервисами iMessage и FaceTime, которые применяются компанией Apple. В результате рассмотрения иска, суд США обязал компанию Apple выплатить компании VirnetX 625 млн долл., что намного превышает итоговую сумму выплат Apple по последнему судебному процессу – тогда VirnetX смогла отсудить 368 млн. долл. [5]. Основная часть дохода VirnetX приходится как раз на лицензирование патентов и судебные иски. Только за последнее десятилетие жертвой VirnetX стало сразу несколько крупных IT-компаний, среди которых оказались Cisco, Avaya, Siemens и Microsoft и ряд других. Так, в 2010 г. VirnetX смогла выиграть у Microsoft более 200 млн долл. за незаконное использование патентов на VPN в Windows Server 2003, XP, Vista, Live Communication Server, Windows Messenger, Office Communication и некоторых версиях пакета Office. А в 2014 г. компания выиграла суд на 24 млн долл. у Microsoft за использование собственных патентов в Skype.

Далее рассмотрим пути решения проблемы. Как сдерживающий механизм в практике ряда стран существуют высокие патентные пошлины, стоимость последних, способствует снижению числа объектов патентования. При вступлении России в ВТО увеличение размера патентных пошлин было одним из условий для вступления в организацию. Однако у подобной практики есть и обратная сторона медали, которая лишает небогатые организации возможности защищать свои изобретения. Не будем забывать, что далеко не всегда сразу очевидно, какая технология будет востребована рынком и патентовать все изобретения и технологии малобюджетные организации просто не смогут. Хотя достаточно достоверной статистики неведётся, однако существует общее мнение людей из инвесторской среды, что инвесторы получают прибыль лишь от 1–3% патентов. Обратим внимание, что это целенаправленные инвестиции. Данная цифра дает общее представление о том, какое количество патентов остается невостребованными [4].

Еще одним механизмом борьбы со злоупотреблением правом может служить норма об обязательном использовании объекта патента.

Но здесь мы сталкиваемся с возможностью фиктивного использования изобретения. В силу сложности реализации подобной нормы, ее субъективного характера, представляется не совсем целесообразным смысл ее введение. Например, в США предлагается как одна из мер борьбы с «патентными троллями» введение штрафных санкции за подачу судебного иска, который суд признает «вредоносным» – то есть который содержит признаки «патентного троллинга». Совершенно очевидно, что и подобные иски должны рассматриваться в специальных судах. Кроме этого возникает новая юридическая проблема – создание критерия определения «вредоносных исков», что порождает замкнутый круг.

В итоге мы видим, что на данный момент ясных путей борьбы с «недобросовестными» патентообладателями не выработано. Главным образом трудности возникают ввиду «юридической идентичности» обычных компаний и «патентных троллей».

Что может способствовать устранению патентных троллей? Во-первых, модернизация законодательства и судебной практики для возможности взыскать реальный ущерб и упущенную выгоду за необоснованные претензии и совершение иных преступных действий, повлекших убытки. Патентный тролль в обязательном порядке должен компенсировать все издержки на судебную процедуру по оспариванию патента. Во-вторых, улучшение качества экспертизы заявок на регистрацию патентов, проводимых Роспатентом, и формирование единого подхода разбора возражений по оспариванию регистрации патента в Палате по патентным спорам.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (редакция от 06 июля 2016 г.) / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699. (Дата обращения: 10.10.2019).
3. Зиновьев И. Похитители патентов // Коммерсантъ Деньги. – № 8 (765) – 15.02.2017.
4. Пашина Е. «Патентные тролли» и другие проблемы интеллектуальной собственности / Портал Legal.report. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.report/article/21072016/patentnye-trolli-i-dругие-problemy-intellektualnoj-sobstvennosti>. (Дата обращения: 10.10.2019).
5. Ульбашев А.Х. Злоупотребление личными правами: понятие и условия // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-lichnymi-pravami-ponyatie-i-usloviya> (Дата обращения: 11.09.2018).
6. Шуртаков К.В. «Патентные тролли»: анализ зарубежной и российской практики // Экономика науки. – 2016. – №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patentnye-trolli-analiz-zarubezhnoy-i-rossiyskoj-praktiki> (Дата обращения: 11.09.2018).

МОМЕНТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ПЕРЕДАЧЕ ТОВАРА И РИСК ЕГО СЛУЧАЙНОЙ ГИБЕЛИ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ

Ульшина Ирина Владимировна

студент,

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Москва

EXTREME NECESSITY AND EXCEEDING ITS LIMITS

Irina Ulshina

student, The All-Russian State University of Justice

(RLA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Moscow

Аннотация. В статье идет речь об исполнении обязательства продавца по передаче товара в договоре купли-продажи. Устанавливается точный момент передачи товара покупателю. Делается подробный анализ терминов «риск случайной гибели имущества» и «риск случайного повреждения имущества». Делается вывод о том, что момент перехода риска случайной гибели товара не связан с переходом к покупателю права собственности.

Abstract. The article deals with the fulfillment of the seller's obligation to handover of the goods in the buy and sell agreement. The exact moment of handover of the goods to the buyer is established. A detailed analysis of the terms "risk of accidental loss of property" and "risk of accidental damage to property" is made. It is concluded that the time of passing of risk of accidental loss of goods is not related with the transfer of ownership to the buyer.

Ключевые слова: передача товара; право собственности; риск случайной гибели; риск случайного повреждения; исполнение обязательства.

Keywords: a handover of the goods, ownership rights, a risk of accidental loss, a risk of accidental damage, a fulfilment of obligations.

Одной из обязанностей продавца по договору купли-продажи является передача товара в срок. Сама по себе суть данного вида договора предполагает передачу в собственность одной из сторон той

или иной вещи (товара) другой стороне за определенную денежную сумму. На это указывают ст.ст. 454, 456 ГК РФ.

Однако всегда существует риск случайной гибели или повреждения товара. Законодатель установил, что риск случайной гибели или повреждения имущества признается таковым при условии, что ни одно из лиц не является виновным в произошедшем [3]. Т. е. ни одно из этих лиц не обязано нести материальную ответственность. Что касается имущества, то в данном случае риск несет сам собственник [2, ст. 221].

Райзберг под случайной гибелью вещи понимает ее утрату, порчу или повреждение при обстоятельствах, в которых отсутствует вина владельца данной вещи, а также при действиях обстоятельств непреодолимой силы. Риск случайной гибели вещи представляет собой такой риск, у которого легко определим допустимый размер убытков от неблагоприятных последствий, т. е. от случайной гибели или случайной порчи имущества, так называемый страхуемый риск [6].

Договор купли-продажи является исключением из общего правила. Именно поэтому следует понять, когда же право собственности переходит от продавца к покупателю? Какая из сторон будет нести неблагоприятные имущественные последствия? В какой момент риск случайной гибели товара или его случайного повреждения переходит на покупателя?

В соответствии с гражданским законодательством общим правилом возникновения права собственности у приобретателя по договору является момент передачи вещи [2, ст. 223]. В отдельных случаях требуется государственная регистрация, с момента возникновения которой право собственности переходит к покупателю.

По общему правилу передача вещи – это вручение вещи приобретателю, т. е. момент её фактического поступления во владение. В законе сказано, что сдача перевозчику или организации связи для отправки или пересылки вещи приобретателю также считается передачей [2, ст. 224]

Рассматривая конкретно договор купли-продажи, можно заметить, что момент передачи товара покупателю, т. е. момент исполнения обязательства продавца, зависит от нескольких обстоятельств: общих таких, как местонахождение товара, время, местонахождение сторон, и особенных, например, была ли в договоре предусмотрена обязанность продавца доставить этот товар покупателю. Так, если последнее отражено в договоре, то вещь считается переданной в момент ее вручения приобретателю. Также моментом передачи будет являться предоставление товара в распоряжение покупателя в месте нахождения данного товара. В этом случае должны быть соблюдены следующие условия:

1) товар готов к передаче в надлежащем месте; 2) покупатель осведомлен о готовности товара к передаче; 3) товар идентифицирован (путем маркировки или иным образом). Все эти условия должны быть соблюдены к установленному в договоре сроку.

Стоит заметить, что переход права собственности не связан с переходом риска случайной гибели или случайного повреждения товара.

В соответствии с гражданским законодательством риск случайной гибели переходит на покупателя с того момента, когда продавец считается исполнившим свое обязательство по передаче товара покупателю.

Чтобы исполнить обязательство, продавец должен передать товар покупателю. В данном случае необходимо четко понять, что если продавец исполнил свою обязанность по передаче товара, это не всегда означает, что товар перешел в собственность покупателя. Только в случае вручения или сдачи товара перевозчику, отправителю, товар считается переданным. Как же быть в случае предоставления товара в распоряжение?

Гонгало считает, что предоставление товара – это не его передача, а следовательно, покупатель не становится собственником. И с этим можно согласиться. На наш взгляд, в данном случае для правильного понимания слова «распоряжение» следует обратиться к этимологии этого слова. «Распоряжаться» значит вести дело или вести себя как хозяин, но не обязательно при этом быть собственником, т. е. в данном случае не стоит воспринимать «распоряжение» исключительно как полномочие собственника по передаче, продаже, сдаче имущества в аренду и т. д.

Итак, лицо распоряжается товаром, но он ему не передан, а следовательно, это не его собственность. По нашему мнению, предоставление товара в распоряжение – это предфаза приобретения, товар готов, он ожидает покупателя, но покупатель еще им не владеет, следовательно, товар ему не передан, а значит он не является собственностью. Однако если к моменту заключения договора вещь уже находилась во владении приобретателя, то она признается переданной ему с этого момента [2, ст. 224]

Для наглядности можно представить себе такую ситуацию: гражданин, находясь в каком-либо супермаркете, проходит мимо стеллажа с неустойчиво стоящим товаром, случайно задевает бутылку дорогого виски, продукция разбивается, товар утрачен, и он не был передан покупателю. Следовательно, в данном случае неблагоприятные имущественные потребности несет продавец.

Другая ситуация: продавец отправил товар по почте. Законодатель говорит, что в данном случае происходит переход риска случайной

гибели на продавца, если только последний знал о том, что его товар испорчен или утрачен [2, ст. 459]. Во всех остальных случаях ответственность лежит на покупателе. Товар в ходе транспортировки был поврежден. Кто в таком случае будет восстанавливать вещь? Покупатель не может апеллировать тем, что он не является собственником и не несет ответственности за повреждения, но и от продавца он уже ничего не может потребовать. Выход заключается в следующем: в договоре купли-продажи необходимо прописывать компромиссные условия, непосредственно связанные с риском случайной гибели и случайного повреждения.

Из обобщения судебной практики мы приходим к выводу, что суд в своих постановлениях указывает на то, что риск случайной гибели вещи лежит на покупателе с момента заключения договора купли-продажи, делая ссылки на ст.ст. 458, 459 ГК РФ. Однако если мы обратимся к ст. 433, то увидим, что моментом заключения договора купли-продажи является передача соответствующего имущества покупателю.

Судебная практика подтверждает выше сказанное. В основном во всех рассмотренных судами спорах, указывается на такой пункт в договоре купли-продажи, в котором устанавливается момент передачи товара покупателю или когда последний становится его собственником. Так, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 2.07.2012 г. указывается, что «согласно п. 3.2. договора право собственности на товар, а также риски его случайной гибели или повреждения переходят от продавца к покупателю с момента исполнения покупателем своих обязательств по оплате общей стоимости товара» [5]. Или «в соответствии с подпунктами 5.1 и 5.2 пункта 5 договора право собственности на товар переходит в момент подписания сторонами акта приема-передачи товара и предоставления товарной накладной. Риск случайной гибели или случайного повреждения товара переходит с момента перехода права собственности на товар покупателю» [4]. Так, наличие подобных условий имеет важное значение для каждой из сторон и гарантирует им защиту своих прав.

Список литературы:

1. Гонгало Б.М. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. – 543 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Комментарий к статьям ГК РФ // Гражданский кодекс Российской Федерации со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям ГК РФ: сайт. – Режим доступа: <http://stgkrf.ru>.

4. Постановление Арбитражного суда поволжского округа от 3 сентября 2018 г. № Ф06-35307/2018 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 2 июля 2012 г. № 09АП-16363/2012-ГК по делу № А40-122167/11-104-1045 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
6. Современный экономический словарь / под общ. ред. Б.А. Райзберга, Л.Ш. Лозовского, Е.Б. Стародубцевой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2011.

3.2. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА УВАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА)

Антипина Виктория Андреевна

магистрант,

Сибирский юридический университет,

РФ, г. Омск

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд), выполняя функцию контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, дает понятию «частная жизнь» широкое толкование с учетом необходимости его соотнесения с определенным уровнем развития государственно-правовых институтов в тот или иной период времени.

Так, исследователи в области европейского и международного права отмечают [10, с. 12-13], что ЕСПЧ относит к частной жизни следующие сферы общественных отношений: связанных с физической, психологической или моральной неприкосновенностью человека; его физической и социальной индивидуальностью. Кроме того, уважение частной жизни включает право на частную жизнь без какого-либо нежелательного внимания других лиц, имя лица или его изображение, право знать свое происхождение, устанавливать и развивать отношения с другими людьми, включая отношения в сферах профессиональной и коммерческой деятельности; материальные интересы, например, уплату налога, вытекающего из неспособности служить в армии по болезни.

Нужно отметить, что изложенный тезис – это не умозрительное суждение, поскольку самостоятельный анализ дел, рассмотренных Судом, позволил нам сделать аналогичный вывод.

1. ЕСПЧ неоднократно оценивал через призму ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Конвенция), регламентирующей защиту права на уважение частной жизни, вопросы автономии пациентов, свободы их воли и выбора, защиты их прав.

Например, рассмотрев дело «Гласс против Соединенного Королевства» по заявлению матери ребенка, страдавшего тяжелым психическим заболеванием, Суд расценил, что медицинское вмешательство, совершенное в ситуации несогласия между медицинскими работниками

и пациентом по поводу той или иной формы лечения при отсутствии санкции суда, нарушает нормы ст. 8 Конвенции [12, с. 49].

2. Европейский суд также рассматривал казусы, когда пациенты формально выражали согласие на медицинское вмешательство по своей собственной воле, однако реально отказаться от него не могли (дела «И.Ф. (Y.F.) против Турции» [2], «Юнке против Турции» [6] и «Коновалова против Российской Федерации» [3]).

В первых двух случаях заявительницы были задержаны и доставлены в полицию по подозрению в причастности к деятельности запрещенной в Турции Рабочей партии Курдистана. После допросов в полиции они были подвергнуты осмотру гинекологами с целью защитить представителей правоохранительных органов от потенциальных ложных обвинений в сексуальном насилии над задержанными. Заявительницы полагали, что осмотр был проведен помимо их воли, власти государства-ответчика заняли позицию, что подобная процедура не может быть проведена без согласия пациента, который всегда может выразить свое несогласие с осмотром до его начала [9, с. 22].

Рассматривая дело, ЕСПЧ справедливо указал на отсутствие реальной возможности у заявительниц сопротивляться осмотру в силу их правового статуса. В деле Юнке Суд, основываясь на материалах дела, также высказал предположение, что заявительницу могли ввести в заблуждение относительно характера осмотра, убедив ее в том, что он является обязательным [6]. В итоге ЕСПЧ усмотрел нарушение права подателей жалобы на уважение частной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции, поскольку их осмотр был проведен против воли [2] или при отсутствии добровольного (а также информированного) согласия [6].

Менее тривиальным оказалось дело «Коновалова против Российской Федерации», где автор жалобы усмотрела нарушение ее права на неприкосновенность частной жизни из-за присутствия во время родов студентов медицинского вуза.

Согласно фабуле дела заявительница, доставленная в связи с начавшимися родовыми схватками в госпиталь (где медицинская помощь сочетается с учебным процессом для студентов-медиков), была предупреждена, что все пациенты данного лечебного учреждения вовлечены в учебный процесс. Поскольку схватки были нерегулярными, а заявительница демонстрировала симптомы крайнего переутомления и стресса, врачи погрузили ее в медикаментозный сон. В дальнейшем медицинские работники неоднократно объясняли ей, что во время родов будут присутствовать студенты-медики. По утверждению автора жалобы, ее устные возражения относительно данного порядка персонал госпиталя не принял во внимание. По итогу роды прошли в присутствии студентов,

которым, по всей видимости, была дана информация о состоянии здоровья заявительницы и примененных методах лечения. Впоследствии власти России в обоснование своей правоты ссылались на слова врачей, которые во время судебного разбирательства на национальном уровне отрицали, что заявительница выражала какое-либо несогласие с установленным порядком медицинских процедур.

Между тем Суд дал вполне однозначную оценку этому кейсу, указав, что в данном случае имело место вмешательство в частную жизнь «ввиду чувствительного характера медицинской процедуры, которую претерпела заявительница 24 апреля 1999 г., и того факта, что студенты-медики присутствовали и, таким образом, имели доступ к конфиденциальной медицинской информации по поводу состояния заявительницы» [3].

3. Отдельного внимания в контексте защиты ЕСПЧ права на уважение частной жизни заслуживают дела, связанные с оказанием психиатрической помощи гражданам (в том числе недееспособным).

К примеру, довольно показательным является принятое еще в 2008 году постановление по делу «Штукатуров против России». В нем Суд тщательно проанализировал и существенно раскритиковал процедурные и содержательные аспекты института недееспособности в России, а также последствия, которые влечет установление ему такого статуса [5].

Заявителя, страдающего психическим расстройством, неоднократно помещали на лечение в психиатрический стационар. После очередной госпитализации его мать обратилась в суд с заявлением о признании его недееспособным. После судебно-психиатрической экспертизы, проведенной в той же больнице, где заявитель находился на излечении, несмотря на отсутствие извещения о предварительном слушании и судебном заседании, заявитель в его отсутствие был признан судом недееспособным [7, с. 33-34].

Автор жалобы случайно узнал об уже вступившем в законную силу решении суда в ноябре 2005 года. В том же месяце Штукатуров в очередной раз был помещен в психиатрический стационар по просьбе матери. В период нахождения там заявителю были запрещены контакты с внешним миром, телефонные звонки, встречи с его юристом, что было мотивировано состоянием его здоровья. Жалобы о несогласии с госпитализацией, направленные Штукатуровым и его юристом, были возвращены без рассмотрения со ссылкой на то, что он, как недееспособный, может действовать не иначе как через своего опекуна. Администрация больницы не организовала встречу заявителя с его юристом даже при наличии решения Суда о применении обеспечительных мер в порядке правила 39 Регламента ЕСПЧ.

Жалоба заявителя в ЕСПЧ касалась правомерности признания его недееспособным как с процессуальной (справедливость судебного разбирательства), так и с материально-правовой точек зрения (наличие оснований для принятия такого решения), а также законности недобровольной госпитализации, несогласия с отсутствием процессуальной возможности требовать отмены установленного статуса недееспособного, обжаловать судебные решения [7, с. 38].

В результате Суд в части, касающейся нарушения ст. 8 Конвенции о чрезмерном вмешательстве в частную жизнь подателя жалобы результате признания его полностью недееспособным, оценил содержание российского законодательства и объем ограничений прав, которые человек испытывает после признания его недееспособным. ЕСПЧ отметил, что законодательство допускало признание гражданина недееспособным, если он «не мог понимать значения своих действий или руководить ими». Однако в то же время Суд указал на отсутствие законодательного критерия, позволяющего установить степень снижения умственных способностей, которая требовала полного лишения дееспособности. Таким образом, как заключил ЕСПЧ, российское законодательство того времени не защищало душевнобольных от произвольного вмешательства в их право на уважение частной жизни.

4. Расширительное толкование ст. 8 Конвенции позволяет включать в содержание права на уважение частной жизни право на участие в похоронах ближайших родственников [8, с. 13].

Как показывает анализ практики ЕСПЧ, наиболее тщательное внимание фактическим обстоятельствам дела Суд уделяет в случаях, когда тело умершего находится в распоряжении властей и оно удерживается для целей уголовного судопроизводства либо смерть наступает в государственном медицинском учреждении. Кроме того, с целью установления факта нарушения положений Конвенции зачастую детально изучаются материалы дела и в ситуации, когда правом на участие в похоронах стремятся воспользоваться лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы.

Например, по делу «Паннулло и Форте против Франции» ЕСПЧ установил, что тело ребенка заявителей, умершего во время пребывания в больнице, удерживалось властями около семи месяцев для целей уголовного преследования медицинских работников, при этом родителям также в течение этого времени не выдали даже свидетельство о смерти. Рассмотрев данный кейс, Суд признал бездействие властей Франции необоснованным и возложил обязанность принять меры, направленные на предотвращение нарушений. Позиция ЕСПЧ основывалась на содержании письма о причине смерти ребенка, направленного экспертом в прокуратуру в день вскрытия, согласно которому после

вскрытия и забора тканей тело могло быть передано семье. Экспертное мнение было предоставлено следственному судье, который тем не менее приостановил выдачу ордера до получения свидетельства о смерти и тела, ожидая окончательного заключения [4].

В результате можно говорить, что у Суда сложилось мнение, согласно которому длящееся превалирование публичных интересов над частными при выполнении всех необходимых следственных действий является нарушением Конвенции.

Результатом рассмотрения дела «Адри-Вионне против Швейцарии» стало признание ЕСПЧ права родителей на участие в похоронах их мертворожденного ребенка частью права на уважение частной жизни [1]. Согласно материалам дела заявительница, находящаяся в состоянии шока, а также отец ребенка отрицательно ответили на вопрос акушерки относительно того, хотя ли они до вскрытия увидят тело своего ребенка. Позднее, по решению социального работника и органа ЗАГС, принятому с учетом выраженной родителями воли, возраста плода и психического состояния автора жалобы тело захоронили в общей могиле для мертворожденных детей без церемонии похорон и в отсутствие родителей. Последние были проинформированы о решении только после погребения, что помешало им принять участие в похоронах, равно как и определиться с местом погребения и его формой. Также Суд счел обоснованным довод заявительницы, что тело ребенка перевозилось на кладбище в торговом фургоне, непригодном для этих целей.

В аналогичных случаях ЕСПЧ указывает, что праву на уважение частной жизни корреспондирует обязанность государств – участников Конвенции соблюдать волю родителей, имеющую особое значение, поскольку требует высокой степени осторожности и деликатности [11, с. 38].

Таким образом, рассматривая дела по жалобам на нарушение ст. 8 Конвенции, ЕСПЧ достаточно широко трактует термин «частная (личная) жизнь», который включает обширный перечень общественных отношений: связанных с физической, психологической или моральной неприкосновенностью человека, с его физической и социальной индивидуальностью (к примеру, вопросы автономии пациентов медицинских учреждений, признания граждан недееспособными, реализации права на участие в похоронах своих родственников).

Список литературы:

1. Дело «Адри-Вионне (Hadri-Vionnet) против Швейцарии» (жалоба № 55525/00): постановление ЕСПЧ от 14 февраля 2008 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2008. – № 8.

2. Дело «И.Ф. (Y.F.) против Турции» (жалоба № 24209/94): постановление ЕСПЧ от 22 июля 2003 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2003. – № 12.
3. Дело «Коновалова (Kovalova) против Российской Федерации» (жалоба № 37873/04): постановление ЕСПЧ от 9 октября 2014 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2015. – № 1.
4. Дело «Паннулло и Форте (Pannullo and Forte) против Франции» (жалоба № 37794/97) [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 30 октября 2001 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Дело «Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации» (жалоба № 44009/05) [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 4 марта 2010 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Дело «Юнке (Juhnke) против Турции» (жалоба № 52515/99): постановление ЕСПЧ от 13 мая 2008 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2008. – № 10.
7. Деменева А.В. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека по делам об оказании психиатрической помощи в России // Международное правосудие. – 2014. – № 2. – С. 21-43.
8. Ключников А.Ю. Право на уважение частной и семейной жизни и проблема культа умерших в практике Европейского суда по правам человека // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 12-15.
9. Третьяков Д. Принцип добровольного и информированного согласия в практике Европейского суда по правам человека // Прецеденты Европейского суда по правам человека. – 2018. – № 3. – С. 18-24.
10. Фомина Л.Ю. Защита права на уважение частной и семейной жизни в Европейском суде по правам человека // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 5. – С. 12-15.
11. Шершень Т.В. К вопросу понимания права на уважение семейной жизни в решениях Европейского суда по правам человека // Российский судья. – 2009. – № 9. – С. 36-40.
12. Яценко И. Принцип информированного согласия в практике Европейского суда по правам человека // Прецеденты Европейского суда по правам человека. – 2017. – № 9. – С. 46-57.

ПРАВИЛА И ПРИЁМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ (КОНВЕНЦИЯ)

Узденов Мисрихан Узденович

студент

*Всероссийский государственный университет юстиции
(ВГУЮ (РПА Минюста России)),
РФ, г. Москва*

Стрижков Александр Владимирович

студент

*Всероссийский государственный университет юстиции
(ВГУЮ (РПА Минюста России)),
РФ, г. Москва*

Аннотация. В данной статье авторы исследуют закрепленные в международных конвенциях правила и приёмы ведения войны. В сложившейся мировой обстановке угроза вооруженного противостояния буквально «висит в воздухе», поэтому необходимо соблюдать нормы международного права, чтобы избежать войны.

Ключевые слова: война, конвенция, правила ведения войны, приёмы ведения войны, международное гуманитарное право.

Война – вооруженный конфликт между политическими образованиями – государствами. Но сколько всего скрывается за этим понятием – разрушенные города, дети, оставшиеся сиротами, сотни погибших мирных жителей и военных, тысячи раненных в госпиталях. Со всем этим международное сообщество сталкивалось не один десяток раз – во время только Второй мировой войны количество жертв достигло 70 миллионов человек. Сложно представить себе масштабы общего количества жертв за время всех прошедших войн. Чтобы предотвратить подобные катастрофы, международное сообщество было вынуждено разработать и принять нормативную базу, которая должна урегулировать действия противоборствующих сторон в ходе военного конфликта. Именно эту базу мы рассмотрим в данной статье.

18 октября 1907 года в Гааге была принята конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. Основной её целью, как указано в преамбуле, является пересмотр общих законов и обычаев войны и введение некоторых ограничений, способных уменьшить негативные последствия военных действий [1].

Для достижения данной цели, в статье 23 конвенции был закреплен перечень ограничений, касающихся средств ведения войны. В частности, было запрещено употреблять яды и отравленное оружие, а также убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался, а также употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания и многое другое. Однако история знает случаи, когда вопреки конвенции воюющие применяли отравляющие газы (первыми их использовали французы в ходе Первой мировой войны в августе 1914 года, но не летального воздействия!). Немецкие химические компании BASF, «Хехст» и «Байер» (которые сформировали конгломерат ИГ Фарбен в 1925 году) производили хлор в качестве побочного продукта получения красителей. Антанта сразу заявила о том, что Германия нарушила принципы международного права, однако Берлин проигнорировал это заявление тем, что Гаагская конвенция запрещает только применение отравляющих снарядов, но не газов [3].

Ещё один часто нарушаемый запрет содержится в статье 27 вышеупомянутого акта – «При осадах и бомбардировках должны быть приняты все необходимые меры к тому, чтобы шадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники, госпитали и места, где собраны больные и раненые, под условием, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям» [1]. Однако только в ходе Великой Отечественной войны на территории СССР в ходе бомбардировок было уничтожено 334 высших учебных заведений, 605 научно-исследовательских институтов и других научных учреждений, 427 музеев, 1 520 специальных учебных заведений – техникумов, 43 000 библиотек общественного пользования и 167 театров [4].

Важное правило, нашедшее отражение в статье 46 IV Гаагской конвенции, заключается в том, что нельзя конфисковать частную собственность населения оккупированной территории. В докладе «об итогах учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории Псковской области» описаны факты, когда фашистское командование под конвоем отправляло на запад мирное население, а их имущество подвергалось разграблению [5].

Далее мы рассмотрим нормативно-правовой акт, регулирующий один из самых важных вопросов, связанных с проведением военных действий – Женевская конвенция об обращении с военнопленными, принятая 27 июля 1929 года [2]. История знает немало примеров, когда военнопленные содержались в нечеловеческих условиях – их морили голодом, отказывали в лечении, сне и заставляли терпеть тяжелейшие

условия труда. С целью предотвращения такого рода ситуаций была принята данная конвенция.

Основным положением, по нашему мнению, является статья 13 данного документа: «С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны державшей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей Конвенции. В частности, ни один военнопленный не может быть подвергнут физическому калечению или же научному или медицинскому опыту какого бы то ни было характера, который не оправдывается соображениями лечения военнопленного и его интересами» [2]. Однако это норма очень часто нарушалась в ходе ведения военных действий, например во Вторую мировую войну [4]. В немецком плену погибло около 3,5 миллионов советских военнопленных – в их отношении действовали иные нормативные акты, нежели к пленным остальных государств.

Конвенцией запрещается: 1) отбирать вещи личного пользования, которые не несут угрозу безопасности державшей стороне; 2) отправлять военнопленных в территориальные районы, где они могут быть подвергнуты действию огня из зоны боев; 3) применять дисциплинарные взыскания, касающиеся питания; 4) препятствовать попаданию военнопленного на прием к врачу; 5) создавать невыносимые условия труда для военнопленных; 6) препятствовать общению военнопленного с членами его семьи, особенно в случае его тяжелого заболевания; 7) наказывать военнопленного два и более раз за один и тот же проступок и т. д. Однако все эти положения также не раз нарушались в ходе военных конфликтов.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что, несмотря на наличие в международном гуманитарном праве нормативной базы, содержащей положения о правилах и приемах ведения войны, часто происходят их нарушения, что приводит не только к массовым человеческим жертвам, но и к колоссальному экономическому ущербу. С целью предотвращения данных инцидентов, необходимо усилить степень ответственности за совершение запрещенных действий. Всё международное сообщество должно принять все возможные меры, чтобы снизить к минимуму количество военных столкновений между государствами, а также сократить число человеческих жертв. Нельзя допустить, чтобы в дальнейшем из-за политических споров погибали ни в чем не повинные мирные жители, ведь человеческая жизнь является высшей ценностью для любого государства.

Список литературы:

1. "IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны" (Вместе с "Положением о законах и обычаях сухопутной войны") (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 575–587. (Извлечения);
2. Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Вместе с "Типовым соглашением по вопросу о непосредственной репатриации и госпитализации в нейтральной стране раненых и больных военнопленных", "Положением о смешанных медицинских комиссиях", "Правилами, касающимися коллективных посылок помощи военнопленным" и "Типовыми правилами, касающимися денежных переводов...") (Заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. – М., 1957. – С. 125–204, 279–280.
3. Ефимова Е.А., Захаров А.В. Правила и методы ведения войны: социально-нравственный аспект (на материалах Первой мировой войны) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2014. – № 4 (53).
4. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. – М.: Политиздат, 1986. – 207 с.
5. Соколов Д.Т. Деятельность псковских партизан и подпольщиков по срыву угона советских людей в Германию / Д.Т. Соколов // Псковский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова. Материалы научной конференции кафедры истории КПСС Псковского пединститута / под ред. Г.Ф. Сарченко. – Псков, 1967. – С. 91-99.

3.3. СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИНСТИТУТ ЧАСТНЫХ ПРИСТАВОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Семерков Сергей Сергеевич

студент

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Москва

Никитин Павел Владиславович

канд. юрид. наук, доцент

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Москва.

INSTITUTE OF PRIVATE OFFICERS IN MODERN RUSSIA

Sergey Semerkov

student All-Russian state university of justice

(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation),

Russia, Moscow

Pavel Nikitin

Candidate of Law, assistant professor in All-Russian state of justice

(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation),

Russia, Moscow

Аннотация. В рамках настоящей статьи проведено исследование проблем исполнительного производства. Выявлены основные аспекты, которые не позволяют эффективно и результативно исполнять судебные акты. Рассмотрена возможность введения в практику института частных судебных приставов в России. Определена категория дел, которые

возможно будет передать на исполнение непосредственно частным судебным приставам, а также квалификационные требования к кандидатам на должность частного судебного пристава. При этом, предусматривается предоставление функций по контролю и надзору органам государственной власти. Анализируется зарубежный опыт действия института частных судебных приставов.

Abstract. Within the limits of present clause it is carried out the research of executive manufacture problems. The basic aspects which do not allow to execute judicial certificates effectively and productively are revealed. The opportunity of introduction in practice of institute of private judicial police officers in Russia is considered. The category of affairs which will probably transfer to execution to directly private judicial police officers, and also qualifying requirements to candidates on a post of private judicial police officer has been determined. Thus, granting functions under the control and supervision to bodies of the government is provided. Foreign experience of action of private judicial police officers' institute is analyzed.

Ключевые слова: исполнение; исполнительное производство; частные приставы; законодательное реформирование; контроль государства.

Keywords: execution; executive manufacture; private police officers; legislative reforming; the control of the state.

В последнее время профессия пристава-исполнителя все чаще склоняется к либеральной модели построения, и все большее количество стран прибегает или к реформе, или же к интеграции профессии частного судебного исполнителя именно в национальную систему принудительного исполнения.

Так, в свое время вопрос введения профессии частного судебного пристава уже выносился на обсуждение такими учеными-правоведами, среди которых Д.М. Чечот, М.Ю. Дымкина, В.В. Ярков, А.Х. Агеев и другие.

В рамках настоящего исследования предложим свою модель внедрения в систему исполнительного производства России профессии частных приставов.

При этом на фоне наметившейся тенденции к либерализации профессии пристава-исполнителя, разработка современной модели внедрения частного судебного пристава представляется весьма актуальной.

Мы видим два способа формирования профессии частных судебных приставов в России. Так, первый способ основан на прямом заимствовании опыта Франции с опорой на действующие нормы

отечественного законодательства о нотариате, а второй способ основан на заимствовании некоторого зарубежного опыта и опоре на действующее в России законодательство о саморегулируемой деятельности аудиторов, а также оценщиков и патентных поверенных.

Организованная профессиональная деятельность частных судебных приставов должна быть непосредственно по типу профессиональной организации отечественных нотариусов и судебных комиссаров во Франции.

С этой целью необходимо проработать вопрос о порядке образования палат (коллегий) двух уровней, а именно регионального и федерального, а также о задачах и функциях данных палат (коллегий), и, конечно же, о полномочиях, которыми они в последующем будут наделены.

Не имеет какого-то особого смысла заимствование норм назначения претендента на должность частных судебных приставов из опыта зарубежных государств, поскольку в этом моменте мы предлагаем обратиться к имеющемуся в России опыту назначения нотариусов. Рассуждая о требованиях к кандидатам на должность частного пристава-исполнителя, следовало бы основываться на статье 3 Федерального закона «О судебных приставах» [1], а именно достижение определенного возраста, наличие высшего образования, отсутствие судимостей. Наряду с этим, рационально было бы ввести дополнительные требования. Целесообразным здесь считалась бы сдача аттестации, а также получение лицензии на осуществление деятельности и вступление в саморегулируемую организацию, иными словами своего рода федеральной палаты частных приставов. Указанные обстоятельства позволили бы оградить граждан России от ситуации, когда кто угодно именовал бы себя частным приставом и взыскивал бы долги. Одновременно нельзя вовсе лишать государство контрольных и регулятивных функций. Министерство юстиции РФ могло бы осуществлять надзорные функции за деятельностью саморегулируемых организаций частных приставов. Тем самым, утвержденным в статусе частного пристава может быть гражданин России, который достиг возраста 25 лет, имеющий высшее образование, сдавший предусмотренный квалификационный экзамен и имеющий стаж работы в области исполнительного производства не менее трех лет, в том числе и в качестве судебного пристава-исполнителя.

При этом, важно отметить, что ранее отстраненный от занимаемой должности судебный пристав-исполнитель не вправе претендовать на должность частного пристава, а также лицо, которое было осуждено к наказанию, исключающему выполнение частным приставом своих профессиональных обязанностей.

Профессиональная деятельность частных судебных приставов безусловно должна либо лицензироваться, непосредственно как деятельность нотариусов, либо же аккредитоваться саморегулируемой организацией, как деятельность, к примеру, аудиторов и патентных поверенных [3, с. 107].

Предъявляемые к потенциальному претенденту статуса частного пристава требования должны быть несколько строже нежели те, которые в настоящее время предъявляются к претендентам на замещение должности судебного-пристава исполнителя в России.

Ведь подобный статус предполагает, что принудительные исполнители будут принимать самостоятельные решения о том, каким именно образом им следует осуществлять свою профессиональную деятельность, пусть и в пределах полномочий, которыми они наделены, и в пределах указаний взыскателя о порядке проведения исполнительных процедур и выборе мер принудительного исполнения. Наряду с этим, судебные приставы-исполнители, являющиеся лицами, которые замещают должность государственной гражданской службы, должны непосредственно находиться в прямом подчинении вышестоящего должностного лица.

Частные судебные исполнители безусловно обязаны состоять в саморегулируемой профессиональной ассоциации. В рамках данной ассоциации принят собственный этический кодекс, а также предусмотрена система аттестации и лицензирования. Исполнительные действия производятся безусловно на возмездной основе, при этом оплачивается от 3 до 25 % от суммы долга, процент различается в зависимости от категории дел. За Министерством юстиции РФ закреплены надзорные функции [7, с. 589].

Также достаточно остро стоят вопросы урегулирования стоимости исполнительных действий частного пристава, а также распределения бремени оплаты деятельности частного пристава между сторонами исполнительного производства. Объясняя свое предложение ссылкой на опыт иностранных государств и опыт государственного урегулирования тарифов за совершения нотариусами нотариальных действий в России, В.В. Ярков предлагает все же исключить какое-либо свободное ценообразование стоимости исполнительных действий частных судебных приставов [9, с. 39]. Согласно его предложению, тарифы должны быть регламентированы на федеральном уровне. Наряду с этим, им рекомендуется определить наиболее подходящий размер подобных тарифов, дабы обеспечить заинтересованность частного пристава в исполнении требований любого исполнительного документа.

Если деятельность частных судебных приставов будет координироваться саморегулируемыми организациями, а не региональными и федеральной палатой, то в этом случае представляется допустимым

доверить указанным саморегулируемым организациям возможность свободного установления обязательных цен для членов данной саморегулируемой организации.

В приведенной нами модели в той либо иной степени разрешены наиболее важные вопросы, касающиеся организации профессиональной деятельности частных судебных приставов в России, разграничения полномочий между частными приставами и судебными приставами-исполнителями, указаны требования, предъявляемые к претенденту на должность частного пристава и обозначена необходимость ограничения доступа к профессии частного пристава, рассмотрена личная ответственностью частных судебных приставов и регулирование ценообразования оказываемых частным приставом исполнительных действий.

Прежде всего, в результате реализации всех указанных в рамках настоящей статьи условий предложенной модели, профессия частного пристава должна получить популярность в действующей российской системе принудительного исполнения [8, с. 28].

При этом, к числу ожидаемых результатов введения профессии частных судебных приставов можно отнести повышение эффективности и результативности исполнения требований исполнительных документов, перераспределение нагрузки между частными приставами и государственной системой принудительного исполнения, снижение государственных расходов на содержание государственной системы принудительного исполнения, появление конкуренции, которая определяется повышением качества процедур принудительного исполнения, сокращение расходов на возмещение ущерба, причиненного неправомерными действиями субъектов исполнительного производства на основании исключения какой-либо ответственности со стороны государства за возмещение ущерба, причиненного неправомерными исполнительными действиями частных судебных приставов.

Исполнение судебных актов по взысканию долгов должно производиться для эффективного осуществления правоприменительной деятельности со стороны государства.

При этом законодатель всячески стремится всесторонне сформировать условия для наиболее результативной работы судебных приставов-исполнителей, тем не менее, статистические материалы говорят о неудовлетворительной практике. Так, 87 % опрошенных служащих, отвечая на вопрос о неэффективности своей работы, выделяют огромную нагрузку исполнительных документов [4, с. 30].

Кроме того, достаточно отрицательно на работу приставов влияют достаточно низкий уровень практических знаний, довольно частая смена кадров, а также отсутствие материального стимулирования непосредственно со стороны государства.

Таким образом, возникает вопрос, касающийся снижения нагрузки, возложенной на службу судебных приставов и увеличения количества своевременного и реально исполненных исполнительных документов.

Наиболее рациональным ответом безусловно стало бы введение в России института частных судебных приставов.

Первые теоретические разработки в рассматриваемом направлении еще в 2005 году были предложены Г.Д. Улетовой. Главной основой предложенного проекта «Об исполнительной деятельности частных судебных приставов-исполнителей» стали непосредственно принципы вариативности модели исполнительного производства, невозможности правового урегулирования как на региональном, так и муниципальном уровне, а также применения сложившейся правоприменительной практики в процессе решения кадровых вопросов [2, с. 62].

Кроме того, в поддержку усиления частноправовых начал в организации исполнительного производства в литературе можно также встретить следующие аргументы, а именно введение института частных приставов сократит нагрузку Федеральной службы судебных приставов России, снизятся расходы на содержание и реформирование органов принудительного исполнения, сократится риск причинения убытков в результате весьма недостаточного уровня подготовки судебных приставов-исполнителей.

Все это будет работать непосредственно за счет заинтересованности абсолютно всех участников исполнительного производства.

Если в качестве основной причиной перехода к институту частных судебных приставов считать снижение государственных расходов, то в этом случае нельзя полностью отказываться от государственного исполнительного производства. Дело прежде всего заключается в том, что после упразднения государственной структуры приставов, государство вовсе не перестанет нуждаться в исполнении исполнительных документов, тем самым ему придется все же прибегать к услугам именно частных субъектов.

Оказанные услуги необходимо будет оплачивать, следовательно, добиться значительного снижения бюджета, к сожалению, так и не удастся.

Оптимальным все же видится формирование института частных приставов с сохранением структуры государственных исполнителей.

Однако же более тщательно следует проработать моменты разграничения работы данных двух структур.

При этом, в проекте закона необходимо определить категории исполнительных дел, которые непосредственно будут реализовываться исключительно через Федеральную службу судебных приставов в России,

а которые можно будет разрешить в альтернативном порядке соответственно по выбору самого взыскателя. Безусловно, в ведении государственной структуры должны остаться дела о взыскании в пользу государства, а также дела, которые имеют социальное значение (к примеру, истребование алиментных платежей), взыскание штрафов ГИБДД.

К компетенции частных приставов необходимо отнести взыскание средств по коммерческим спорам. Иными словами, частным приставам на исполнение передавались бы споры между юридическими лицами, рассматривающийся третейскими судами. Все это весьма логично, поскольку эти стороны уже изъявили желание решать возникшие у них проблемы через негосударственные органы.

Таким образом, подводя итог, отметим, что введение смешанной модели исполнительного производства в России даст возможность несколько «разгрузить» работников Федеральной службы судебных приставов России, станет определенным стимулом для государственных приставов на достижение наиболее плодотворных результатов, поскольку создастся более здоровая конкурентная обстановка.

Государственные расходы на исполнительное производство в значительной степени сократятся. Кроме того, смешанная система исполнения способна весомо пополнить бюджет государства непосредственно за счет налогообложения саморегулируемых организаций частных приставов.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» // СЗ РФ, 1997. – № 30. – Ст. 3590.
2. Ерохова М.А. О частных судебных исполнителях в российском правопорядке // Закон. 2018. – № 8. – С. 62-70.
3. Клеценко С.С. Перспектива внедрения профессии частного судебного пристава в российскую систему принудительного исполнения // Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества. – 2018. – С. 107-114.
4. Коршунова С.Д. Введение института частных судебных приставов в России // European research: innovation in science, education and technology. – 2019. – С. 30-32.
5. Никитин П.В., Тарасова Л.А. История органов и учреждений юстиции России: учеб. пособие. – М.: РПА, 2007. – 167 с.
6. Рассолов М.М., Никитин П.В. История отечественного государства и права в 2 ч. Часть 2: учебник для академического бакалавриата / М.М. Рассолов, П.В. Никитин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 286 с.

7. Стерледева Л.А., Орлов А.А. Проблема обеспечения исполнения судебными приставами-исполнителями судебных решений // Разработка стратегии социальной и экономической безопасности государства. – 2019. – С. 589-592.
8. Ткаченко В.В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов // Проблемы правоохранительной деятельности, 2018. – № 4. – С. 28-34.
9. Ярков В.В. Небюджетная (частная) организация принудительного исполнения: «за» и «против» / В.В. Ярков // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 9 (179). – С. 39-41.

3.4. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Керимов Исмаил Жабраилович

магистрант

*Владимирский юридический институт ФСИИ России,
РФ, г. Владимир*

Новиков Сергей Степанович

д-р ист. наук, доцент,

*проф. кафедры теории и истории государства и права
Владимирский юридический институт ФСИИ России,
РФ, г. Владимир*

Аннотация. Дано понятие нормотворчества, определена сущность данного института, стадии нормотворческого процесса. Также, выявлены проблемные аспекты указанного процесса, предложены некоторые пути их решения.

Ключевые слова: нормотворчество; нормотворческий процесс; проблемы деятельности правотворческих органов.

Исследуя процесс нормотворчества, стоит сказать о том, что на сегодняшний день – это одна из наиболее значимых сторон государственной деятельности, форма ее активности, которая обладает непосредственной целью по формированию правовых норм, их изменению, отмене или дополнению [4; С. 20].

Социальная суть нормотворчества состоит в том, что воля государства возводится в закон, то есть оформляется разнообразными юридическими актами, при этом, отраженным таким способом правилам поведения придается общеобязательный характер.

В теории права в рамках обозначения процесса создания нормативно-правовых актов, утверждения правовых норм и т.п., выделяются два значимых понятия – «нормотворчество» и «правотворчество», которые по своей сути взаимосвязаны. Однако, как отмечают некоторые исследователи «правотворчество» может быть

применимо для указания на общий процесс принятия правовых актов вне зависимости от их вида, а «нормотворчество» включает в себя только процесс издания нормативно-правовых документов [7; С. 74].

Важно указать, что понятие «нормотворчество» многогранно. В целом, оно предстает в качестве составной части механизма правового регулирования, которая является обязательной для формирования правовых норм, имеющих своей направленностью регулирование разных общественных отношений [6; С. 48].

Традиционная позиция в правовой литературе в отношении термина «нормотворчества» связана с обозначением деятельности разнообразных министерств и ведомств, направленной на создание, изменение и отмену ведомственных нормативных актов, которая, в конечном счете, выступает в качестве ведомственного нормотворчества.

В процессе нормотворчества принимают участие разные субъекты, которые осуществляют свою деятельность согласно процедуре, которая установлена нормативно-правовыми актами.

Процесс создания нормативно-правового акта связан с возникновением различного рода прав и обязанностей. Имеются в виду обязанности, которые касаются подготовки, обсуждения и согласования проектов, инициативы, касающиеся внесения проекта на рассмотрение компетентного законодательного органа, а также права компетентных законодательных органов на то, чтобы рассмотреть проект и вынести по нему соответствующее решение, обязанности по опубликованию принятого закона [8; С. 137].

Подготовка нормативных актов осуществляется по определенному алгоритму, включает в себя четыре стадии: 1) выступление с законодательной инициативой; 2) обсуждение законопроекта; 3) принятие законопроекта; 4) оглашение и вступление акта в законную силу.

При этом, в литературе стадия нормотворческого процесса определяется как самостоятельный этап формирования воли, выраженной в нормативном акте; организационно обособленный комплекс тесно взаимосвязанных действий, цель которых состоит в создании нормативного акта [3; С. 59].

Считаем, что нормотворческим процессом охватываются все официально значимые стадии, на которых формируется и возводится в закон государственная воля, в том числе и деятельность правотворческого органа, которая выступает в качестве основной, решающей стадии процесса.

На современном этапе развития нормотворчество в России осуществляют законодательные и исполнительные органы власти, а результат их деятельности затрагивают интересы и государственных органов, и институтов гражданского общества, и всего общества в целом.

В числе положительных черт существования института нормотворчества можно выделить то, что он осуществляет регулирование важнейших общественных отношений, а значит, стабилизирует отношения между людьми.

При этом, институт нормотворчества обладает и отрицательными чертами. К ним можно отнести: чрезмерность правового регулирования общественных отношений; постоянную корректировку нормативных правовых актов; наличие дефектов правовых норм: противоречивость, пробельность и др. В качестве примера можно указать на КоАП РФ [2], в который за весь период существования было внесено более 2 000 поправок. И, кроме того, некоторые из его положений были признаны Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ [1].

Негативные явления в нормотворчестве становятся обыденным явлением в современной России. Это связано с неоправданной легкомысленностью к процессу нормотворчества у соответствующих органов власти, в связи с чем, развивается правовая нигилизм со стороны населения, и подрываются основ государственности.

В настоящее время в литературе предлагается несколько путей решения повышения качества нормотворчества.

Отдельные исследователи предлагают предусмотреть правотворческую ответственность за создание «некачественного» нормативного документа. Так, отмечается, что обезличенность создателей нормативных правовых актов порождает безответственность. Поэтому общественность должна знать кто конкретно выступил разработчиком того или иного нормативного акта, и в случае «некачественного» продукта, привлечь его к ответственности [3; С. 61].

Иные авторы указывают на то, что необходимо привлекать к нормотворчеству информационные технологии и искусственный интеллект. Сегодня, в рамках построения информационного общества предлагается сменить вектор нормотворчества в сторону алгоритмизации правоздания [5; С. 1163].

Однако, это предложение не учитывает, что при создании нормы права всегда требуется познавательное-творческое начало, Мышление человека представляет собой настолько сложное явление, что его во всей полноте не сможет воспроизвести самый совершенный компьютер.

В-третьих, предлагается в учебные программы подготовки юристов включать специальные дисциплины по изучению юридической техники. Соответствующие дисциплины призваны сформировать у будущих юристов основы юридического и юридико-политического мышления, сформировать представление о специфике юридического языка, о таких средствах и приемах юридической техники, как: юридическая конструкция, правовой символ, правовая аксиома, правовая презумпция и др.

Обучение азам юридической техники так же необходимо предусмотреть и для депутатов законодательных органов различного уровня, а также для лиц управленческого звена [8; С. 137].

Таким образом, нормотворчество – это деятельность разнообразных министерств и ведомств, направленная на создание, изменение и отмену ведомственных нормативных актов. Нормотворческим процессом охватываются все официально значимые стадии, на которых формируется и возводится в закон государственная воля, в том числе и деятельность правотворческого органа, которая выступает в качестве основной, решающей стадии процесса.

На сегодняшний день, при возрастающем количестве нормативных актов снижается их качество, что не может не отразиться на уровне законности и правопорядка. Такое положение дел сказывается на степени доверия граждан страны к самому государству. В целях совершенствования нормотворческой деятельности и установления в государстве подлинно демократических основ необходимо решить ряд вопросов касающихся организационных, методических и правовых требований нормотворческой деятельности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ] // Рос. газ. – 2009, 21 янв.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [федер. закон РФ: от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: с изм. и доп. от 02 авг. 2019 г. № 317-ФЗ] // Рос. газ. – 2019. – № 172, 7 авг.
3. Василевич Г.А. Проблемы нормотворчества и правоприменения / Г.А. Василевич // Право.by. – 2017. – № 5 (49). – С. 59-62.
4. Евдокимов А.Ю. Правовая природа нормотворчества / А.Ю. Евдокимов // Концепция «Общества знаний» в современной науке: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2019. – 767 с.
5. Киселева Т.М. Влияние информационных технологий на развитие нормотворчества / Т.М. Киселева // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы: материалы VII Международной научной конференции. – М., 2019. – 1180 с.
6. Миронов А.Н. Понятие и признаки нормотворчества / А.Н. Миронов; А.В. Малышкина // Право, политика и современное общество: ценности, развитие и проблемы: сборник научных трудов по материалам I-ой Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2017. – 796 с.

7. Мухамадиярова А.Р. Понятие нормотворчества и нормотворческой деятельности / А.Р. Мухамадиярова // Новые информационные технологии в науке: сборник статей Международной научно-практической конференции. – М., 2018. – 809 с.
8. Петрова Е.В. Проблемы и перспективы развития нормотворчества в России / Е.В. Петрова // Молодой ученый. – 2018. – № 47 (233). – С. 136-137.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Пеннер Наталья Валерьевна

студент

Оренбургского института (филиала) Университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

РФ, г. Оренбург

Аннотация. Одним из самых интересных и неоднозначных феноменов в развитии мирового сообщества является глобализация. В настоящее время формируется единая цивилизация на всей планете. Укоренение этого процесса в общественном сознании способствовало пониманию глобализационных процессов в современном мире.

Ключевые слова: глобализация; интеграция; унификация.

Возникновение термина «глобализация» связывают с именем американского ученого Т. Левитта, который в 1983 г. в статье «Гарвард бизнес ревью» писал о слиянии рынков отдельных продуктов, производимых крупными транснациональными корпорациями.

Исследования глобализационных явлений находятся в процессе становления. Понимая под глобализацией многоаспектное явление, Б. Бади говорит о трех ее измерениях:

- 1) глобализация как постоянно идущий исторический процесс;
- 2) глобализация как гомогенизация и универсализация мира;
- 3) глобализация как разрушение национальных границ [2, с. 5].

Эти характеристики, претендуя на объективность, имеют определенный идеологический подтекст.

У. Бек считает, что «глобализация» – это необходимые «процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов (действующих субъектов) и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности западного образца» [1, с. 23-30].

Предполагая, что глобализация – это объективный, самоорганизационный процесс всемирной экономической, политической, социальной и культурной интеграции и унификации на основе информатизации, как следствие чего станет сближение культур разных стран в масштабах всей планеты, исследователи тем самым подводят к одностороннему примату англосаксонских ценностей.

Однако глобализация процессов связана, прежде всего, с конвергенцией, взаимопроникновением всех социально-культурных ценностей на сетевой и иерархической основе. Именно такие процессы обеспечат вхождение в единую систему социальных, культурных, экономических, политических и иных взаимодействий, формирующих качественно новые ценности социума.

Таким образом, глобализацией можно считать начавшийся процесс осознания потребности взаимозависимости и взаимопроникновения всех властных и социальных структур с целью создания качественно иных ценностей и механизмов сосуществования государств и территории вследствие все более тесной интеграции рынков товаров, услуг и капиталов. Развитие международной торговли и рост инвестиций являются основными составляющими этого процесса.

После 1945 года в мировом хозяйстве синхронно развернулись два важных процесса. С одной стороны, за счёт взаимных инвестиций и обмена технологиями, внедрения организационных инноваций началась дифференциация стран по технико-экономическим, социально-структурным и политическим показателям на различные уровни.

С другой – распад колониальных империй, распространение «гибких» методов управления общественными процессами явились предпосылками организации единого управления процессами по англосаксонскому образцу. Неспроста появление глобализации обуславливается властно организационными процессами Западной Европы.

Таким образом, существующие различные позиции западной науки относительно момента возникновения данного процесса основаны на представлениях о характере и субъектах управления глобализацией.

Планы западных государств ориентированы на «сознательную» и постепенную передачу власти от суверенных государств наднациональным политическим структурам и организациям как регионального, так и глобального масштаба, под их контролем и управлением. Однако забывается при этом, что глобализационные процессы являются объективными, самоорганизационными в силу своей множественности и синергетики, они мало зависят от организующей воли любого субъекта.

Авторы «стратегий всемирного развития» стремятся разработать общий план, выделить главный принцип изменений в процессах планетарного масштаба с целью их стабилизации. Это малоэффективно.

Сторонники большей централизации власти в человеческом сообществе выступают за создание всемирного парламента и всемирного правительства. Это связано с обострением глобальных проблем и неспособностью государств справиться с ними.

Понятия «глобализация» и «мировое правительство» связаны одно с другим весьма тесно, несмотря на то, что первое – это уже давно зафиксированный действующий процесс, а реальность второго признаётся далеко не всеми. Процессы глобализации, то есть более тесного взаимопроникновения экономической, политической, культурной жизни стран всего мира, породили саму идею о возможности мирового правительства.

Глобализационные процессы потребуют качественного, радикального переустройства планетарного хозяйства.

Такие понятия капиталистического способа производства, социальных (производственных) отношений, необходимо должны исчезнуть в процессе реформирования социальных отношений. Это капитал, деньги, собственность, кредит (ростовщичество) и ряд сопутствующих им. Если это будет, ничего не произойдет, кроме войны.

В связи с этим, представляется маловероятным мирный переход к ценностям нового социума. Объективная реальность настоящего времени свидетельствует об этом.

Глобальных проблем достаточно, но среди материально-существующих проблем, таких как вода, пища, энергоносители, существуют проблема ментального характера, например, неосознанность происходящего структурами власти. Это подтверждается традиционной, классической деятельностью органов власти современных государств.

Мир меняется, он не человекомерен. Традиционные государства и ТНК, парламент, правительство, партии, суды, силовые структуры действуют архаичными инструментами. Хотя очевиден и конец капиталистической системы и недееспособность классического имперского авторитарного и либерального подхода к власти и управлению.

Действующие территории искусственны. Это результат прошлых завоеваний.

Потребность в управлении остается, но это не может быть умозрительное и субъективное управление, так как слишком сложны процессы. Наличие информационно-цифровых технологий, а далее более перспективных технологий позволяют исключить человека не только из производственных, но и управленческих процессов.

И этот процесс уже запущен.

Потребность в управлении должна быть реализована на основе иерархического и сетевого принципов одновременно.

Территориальные анклавов необходимо появятся, но они не будут совпадать с территориями государств.

Перспективными могут стать «плавающие города». Уже рассчитана минимальная и максимальная численность городов от 5 млн. до 20 млн.

Процессы глобализации во всех своих противоречивых ипостасях являются реальностью современного мира, с которой необходимо считаться. Они являются неизбежным, объективно и субъективно обусловленным, противоречивым фактором становления, мировой цивилизации XXI века.

Список литературы:

1. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек, перевод. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
2. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. / В.И. Пантин. – М: Издательский дом Новый век, 2003. – 276 с.

3.5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМАТИКА СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Акуленко Анастасия Александровна

магистрант

*Российского государственного университета правосудия,
РФ, Республика Крым, г. Симферополь*

INDUCEMENT TO USE DRUGS-A PROBLEM OF THE WORLD COMMUNITY

Anastasia Akulenko

*master student of the Russian State University of Justice,
Russian Federation, Republic of Crimea, Simferopol*

Аннотация. В работе рассмотрена одна из проблем мирового сообщества – склонение к потреблению наркотических средств. Проанализированы причины, по которым это происходит и ряд проблем, которые возникают при определении преступного лица. Изучены статистические данные за 2018 г, по вопросам выявления лиц, совершивших преступления под действием наркотических средств. Осуществлен анализ причинно следственных связей склонения к потреблению наркотических средств и роста преступности в Российской Федерации и Крымском Федеральном округе, в частности. Сделан вывод об актуальности решения данного вопроса, а также целесообразности определения новых приоритетов борьбы в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Abstract. The paper deals with one of the problems of the world community – the tendency to use drugs. The reasons for this and a number of problems that arise in determining the criminal person are analyzed. The statistical data for 2018 on the identification of persons who committed crimes under the influence of drugs were studied. The analysis of the causal relationships of drug addiction and the growth of crime in the Russian Federation and the Crimean Federal district in particular is carried out.

The conclusion about the relevance of the solution of this issue, as well as the feasibility of determining new priorities in the fight against illicit trafficking in narcotic drugs.

Ключевые слова: наркотические средства; потребление; склонение к потреблению; вид деяния.

Keywords: drugs; use; inclination to consumption; type of act.

Во всем мире ведется активная борьба с наркопреступностью. Стоит отметить, что показатели эффективности, которые озвучивают правоохранительные органы Российской Федерации, звучат весьма внушительно, однако проблема так и остается значительной. От наркомании, употребления наркотиков ежегодно погибает огромное число человек. И число наркоманов неизменно растет.

Как же так получается, что применяются возможные методы и средства борьбы, которые в определенной степени имеют эффективность, причем не малую, но число наркозависимых лиц уменьшается лишь в результате смертности? В мире и в Российской Федерации в частности назревает проблема склонения к потреблению наркотических средств.

У наркоторговцев выгодные условия расширения своей «клиентской» базы. Если возрастет число потребителей, то будет реализовываться больше товара, которыми являются наркотические средства, а, следовательно, прибыль наркоторговцев значительно увеличится, за счет еще большего оборота. Отсюда вывод, увеличение числа наркоманов – приоритетная задача наркобизнеса, позволяющая достигнуть главной цели – получения прибыли [1].

Возникает вопрос, как расширяется «клиентура» наркоторговцев и где они находят новых покупателей, ведь в стране ведется активная борьба с наркоторговлей. Осуществляются различного рода мероприятия по пресечению данного вида деяния, чтобы здоровые люди не становились наркоманами, чтобы те, кто употреблял их ранее, имел возможность завязать с данным пагубным делом, и, в конце концов, для того, чтобы снизить уровень преступности, которое всегда идет «рядом» с проблемой наркоторговли. Ведь, там, где осуществляется наркоторговля, растет преступность, наркоман ради новой дозы готов на любое преступление. Ответ прост – наркоманская культура внедряется в общество. Это происходит за счет подростков и молодежи [2].

Наркомания – мировая проблема, так как, не смотря на активную борьбу с ней, наркотизация населения также продолжается. Да, огромное число людей во всем мире и в Российской Федерации умирает, в результате наркозависимости, употребления наркотиков и преступлений, связанных с данной мировой проблемой, но новые наркоманы также появляются.

По нашему мнению, у всего этого есть свои причины:

Во-первых, осуществляемые правительством антинаркотические профилактические мероприятия недостаточно эффективны. Вернее, будет отметить, что работа в данном направлении осуществляется не на достаточном уровне, если учитывать масштаб всей проблемы. Работа и мероприятия должны иметь свои результаты, то есть у личности, еще на самом раннем этапе должен быть установлен стойкий иммунитет.

Иными словами, человек должен четко для себя осознавать, что навредит здоровью и даже своим близким, окружению, в случае если будет потреблять наркотические средства. В частности, подростки, молодежь, которые являются самой уязвимой группой, на уровне подсознания должны понимать, что потребление наркотических средств – смерть.

При этом, необходимо отметить, что гражданин страны, должен осознавать всю тяжесть последствий в результате употребления наркотических средств, и бояться вовсе не норм действующего законодательства, а разрушительной силы наркотических средств, и тех последствий, которые могут произойти в результате их употребления [3].

Безусловно, нормы законодательства, а также факт их применения также должны быть одним из стимуляторов вести правильный образ жизни и не употреблять наркотические средства. Но это один из методов предупреждения и борьбы. Главная борьба внутри самих граждан, у которых не должно даже мысли возникать об употреблении, и не потому, что это уголовно наказуемо, а потому что это опасно для жизни.

Во-вторых, существенной является проблема склонения к потреблению наркотических средств – вид деяния, квалифицируемый по статье 230 УК РФ [4]. Первоначально необходимо решать вопрос изблечения лиц, которые склоняют к потреблению наркотических средств.

Согласно официальным данным Генеральной прокуратурой Российской Федерации на конец октября 2018 года выявлено 81436 лиц, совершивших преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 11769 лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения. Безусловно, цифры очень пугающие [5].

Откуда же такое число наркозависимых лиц, неужели все они по своей воле стали наркоманами? Большинство лиц – да, но есть и та часть лиц, которых склонили к потреблению наркотических средств, в результате чего они стали наркозависимыми и значительно возросло число преступлений, которые были совершены под действием наркотических средств.

Если рассматривать Республику Крым и г. Севастополь, то статистика следующая. Выявлено лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, на конец октября 2018 года в Крымском Федеральном округе – 93:

- в Республике Крым – 67 человек;
- в г. Севастополе – 26 человек [6].

Если сравнивать данные цифры с общим значением, то они покажутся не такими высокими. Но если углубиться в глубь вопроса, ведь это такие же обычные люди, которые также были когда-то здоровыми, но в какой-то период жизни стали употреблять наркотические средства, под действием которых и совершили преступления. В результате чего это произошло? Ведь многие из них могли быть попросту склонены к потреблению.

Кто совершает данный вид деяния, квалифицируемый по статье 230 УК РФ? Возможно ли, достоверно точно выявить преступников? Возможно ли, выявить всех тех, кто склоняет лиц к потреблению наркотических средств? Эти и многие другие вопросы являются довольно актуальными и решение их, точно также, как и борьба с незаконным оборотом наркотических средств является приоритетной задачей правительства и правоохранительных органов, в частности.

Что же следует предпринять? По нашему мнению, целесообразно выбрать новые приоритеты борьбы в сфере незаконного оборота наркотических средств. Уже просто недостаточно борьбы с их незаконной реализацией, необходимо уделять внимание абсолютно всем аспектам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств.

В частности, необходимо проводить следственные мероприятия по делу, когда лицо было впервые задержано за употребление наркотических средств. Необходим анализ причинно следственных связей. Целесообразно выявление причин, по которым лицо употребляло наркотические средства. Ведь может быть так, что задержанное лицо, пусть это будет подросток, мог быть вовлечен в наркосреду, возможно его склонили к потреблению наркотических средств, а, следовательно, лицо его склонившее, должно ответить по всей строгости закона.

Задержанных впервые, необходимо ставить на профилактический или диспансерный учет, чтобы не допускать становления их наркозависимыми лицами. Это необходимо по ряду обстоятельств. Во-первых, жизнь и здоровье человека, а в целом и нации – в приоритете. Во-вторых, здоровый человек, не страдающий наркозависимостью, не будет потреблять наркотические средства, приобретать их, хранить, а значит, доходы наркоторговцев значительно снизятся, некому будет их продавать.

Возникает другая проблема, что же делать в случае, если лицо будет опять склонено к потреблению? Нужно бороться с данной проблемой на этапе ее зарождения. То есть, после того, как было выявлено, что лицо употребило наркотические средства не по своей воле, необходимо осуществить все возможные и доступные меры по поиску того, кто его склонил, чтобы то лицо понесло уголовную ответственность.

К слову, согласно п.1 ст. 230 УК РФ - Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов - наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок от трех до пяти лет [7].

По нашему мнению, необходимо осуществлять расследование и раскрытие преступлений, квалифицируемых по ст. 230 УК РФ посредством сочетания оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. То есть как мы говорили, делать все возможное (в соответствии с действующим законодательством), чтобы вычислить преступника, склонившего лицо к употреблению наркотических средств. Если данные меры не принимать, то преступник избежит ответственности и не будет наказан за совершенное деяние, а что еще хуже, он будет продолжать и далее склонять к потреблению наркотических средств новых и новых ли, которые могут оказаться молодыми подростками, чья жизнь будет загублена. Очевидно, что данной проблеме следует уделять значительное внимание, и в частности нахождению путей решения.

Должен быть сформирован действенный алгоритм. Иными словами, определен порядок действий, позволяющий выявлять и раскрывать преступления, квалифицируемые по ст. 230 УК РФ.

В первую очередь необходимо пересмотреть определение объективной стороны данного рода преступления. А именно его формулировку. По нашему мнению, целесообразно внести такое понятие как вовлечение. И провести четкие границы между двумя данными понятиями.

Это необходимо потому, что склонение, по своей сути является глаголом несовершенного вида. Иными словами, просто действие, без учета того, какие в результате него последовали результаты, то есть какие были последствия для лица, склоненного и для общества в целом. А ведь на самом деле важность составляют как раз-таки последствия, которые возникли в результате употребления лицом наркотических средств, по причине психологического или физического воздействия на него.

Становится логичным применение новой формулировки «вовлечение», ведь лицо, которое склонили употребить один раз, может быть вовлечено в данную сферу и потреблять далее. Следовательно, склонение

повлекло за собой вовлечение лица в наркозависимость, которая может полечь его совершать далее преступные деяния [8].

Данный вопрос требует более детального изучения и анализа, в частности, на законодательном уровне необходимо рассмотрение вопроса об внесении новой терминологии – «вовлечение», предлагаемое многими учеными правоведами в сфере уголовного права, а также разграничение данного понятия с понятием «склонение» и соответственно определение мер воздействия (вида ответственности), в зависимости от того, какое было совершено деяние и каковы его последствия, в том числе целесообразно увеличение сроков лишения свободы.

Список литературы:

1. Волков Б.Д. Выявление и предупреждение незаконного оборота наркотических средств. Москва: Лаборатория книги, 2010. - С. 78.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный. Автор-составитель: В.С.Чижевский. Москва: Книжный мир, 2017. - С. 347.
3. Криминалистические средства и методы собирания доказательств: учебное пособие для бакалавров. Ответственный редактор: Е.П. Ищенко. Москва: Проспект, 2016. - С. 146.
4. Литвинов А.В. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта: Уголовно-правовой и криминологический аспекты. Москва, 2008 г.- С. 47.
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Портал правовой статистики // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_rate (Дата обращения 08.12.2018 г.)
6. Примерова А.Е. Синтетические наркотики как новая угроза для молодого поколения // Молодой ученый. — 2016. — № 2. — С. 1000-1003. — URL <https://moluch.ru/archive/106/25104/> (Дата обращения: 08.12.2018).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ. - 17.07.1996 - № 25 ст. 2954.

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО КАК ВИД КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сидорина Татьяна Викторовна

канд. экон. наук, доцент, доцент

*Донской государственный технический университет,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

BRIBERY AS A TYPE OF CORRUPTION CRIME IN RUSSIAN FEDERATION

Tatiana Sidorina

*candidate of economic Sciences, associate Professor, associate Professor
Don State Technical University,
Russia, Rostov-on-Don*

Аннотация. Статья посвящена исследованию состояния взяточничества, как вида коррупционных преступлений, представляющего одну из существенных и реальных угроз национальной безопасности России.

Abstract. The article is devoted to the State as a form of bribery, corruption offences, representing one of the significant and real threats to Russia's national security.

Ключевые слова: коррупция; взятка; преступление коррупционной направленности; динамика взяток.

Keywords: corruption; bribe; the crime of corruption; the dynamics of the bribes.

К числу наиболее распространенных коррупционных преступлений, представляющее одну из существенных и реальных угроз национальной безопасности России, относят преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ «Получение взятки» и по ст. 291 УК РФ «Дача взятки» [1].

В России взяточничество имеет масштабы национального бедствия, наносит ежегодный ущерб экономике в сотни миллионов долларов. Согласно статистическим данным, в России каждое пятое преступление, связанное с коррупцией, – это взятка, а каждый третий служащий – взяточник [4].

Динамика зарегистрированных преступлений по данным статьям представлена в таблице.

Таблица 1.

**Динамика коррупционных преступлений связанных
с получением и дачей взятки [2, 4, 5]**

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Изменение	
				2017/2016	2018/2016
1	2	3			
Преступления по ст. 290 УК РФ «Получение взятки»					
Зарегистрировано, ед.	5344	3188	3499	- 2156	-1845
Предварительно расследовано	4951	2461	2784	-2490	-2167
Уголовные дела, по которым направлены в суд	4839	2404	2700	-2435	-2139
Не раскрыто преступлений	59	61	51	2	-8
Сумма взяток, млрд руб.	2,3	6,7	1,8	4,4	-4,9
Количество осужденных	1334	1099	2167	-235	833
Преступления по ст. 291 УК РФ «Дача взятки»					
Зарегистрировано, ед.	4640	2272	2612	-2368	-2028
Предварительно расследовано	4729	2113	2299	2616	-2430
Уголовные дела, по которым направлены в суд	3708	1513	1440	- 2195	-2268
Не раскрыто преступлений	85	44	52	-41	-33
Средний размер взятки, тыс. руб.	298	328	609	30	311

Данные таблицы свидетельствуют о наличии тенденции снижения количества преступлений, предусмотренных статьей 290 УК РФ, в 2017 г. на 40,3 процента или на 2156 ед. (до 3188), и в 2018 г. на 34,52 % или на 1845 ед. (до 3499) по отношению к 2016 году (5344). В 2018 году количество случаев получения взятки на 9,76 процента больше, чем годом ранее. Среди регионов, подверженных коррупции оказались Москва, а также Московская и Ростовская области [3].

Отмечается сокращение числа преступлений, предусмотренных статьей 291 УК РФ, в 2017 г. более чем в два раза или на 2368 ед. (до 2272), а в 2018 году в 1,8 раза или на 2028 преступлений по сравнению с 2016 годом (4640 ед.). При этом количество зарегистрированных

преступлений, связанных с получением взятки, на протяжении всего анализируемого периода, превышало их количество, связанное с дачей взятки.

Общая сумма полученных взяток, выявленных в рамках уголовных дел по ст. 290 УК РФ в 2017 году по сравнению с 2016 годом, выросла почти в три раза с 2,3 млрд руб. до 6,7 млрд руб., что может быть объяснено возбуждением нескольких уголовных дел в отношении высокопоставленных чиновников.

Общая сумма предложенных взяток выросла за этот же период более чем в 4,8 раза. В 2016 году размер установленных взяток составлял 0,947 млрд руб. против 4,5 млрд руб. в 2017 году, а в 2017 году сумма предложенных взяток гражданами почти в полтора раза меньше, чем сумма взятых должностными лицами. В 2018 году, значительный размер взятки (от 25 до 150 тыс. руб.), на общую сумму более 48 млн руб. было выявлено в 826 случаях [6].

Сумма выявленных взяток свидетельствует об активности работы правоохранительных органов. Размер средней взятки в 2018 году вырос более чем 2 раза до 609 тыс. руб. (в особо крупном размере – 7 млн руб.) по сравнению с 2016 году, когда ее размер составлял 298 тыс. руб. и в 1,9 раза по сравнению с 2017 годом.

Отличие средней суммы дачи взятки от суммы получения связано с разным числом уголовных дел, количество уголовных дел направленных в суд по преступлениям связанным как с получением, так и дачей взятки сократилось. В 2018 году по преступлениям связанным с дачей взятки количество дел уменьшилось на 2195 и 2268 дел или в 2,5 и 2,6 раза по сравнению с 2016 и 2017 годами соответственно.

Тенденция сохраняется в отношении количества уголовных дел направленных в суд по преступлениям связанным с получением взятки: сокращение на 2435 и на 2139 дел соответственно. Напротив, количество осужденных за данное преступление в 2018 году выросло по сравнению с 2016 годом на 833 человека и на 1068 человек по сравнению с 2017 годом.

За дачу взятки (статья 291 УК РФ) за 2018 год осуждено более полутора тысячи человек, из них отправились в колонии 250 человек, а за посредничество – 270 человек.

Ежегодные темпы роста количества предварительно расследованных преступлений, связанных с получением взятки в течение 2016-2017 гг., превышали темпы роста количества предварительно расследованных преступлений, связанных с дачей взятки на 4,6, 16,5, и 21,1 процентов соответственно.

Отмечается снижение количества не раскрытых преступлений связанных с получением взятки в 2018 году по отношению к 2016 и 2017 годам на 13,6 процентов и на 16,4 процента, а также даче взятки более чем в два раза и 38,8 процентов соответственно. При этом темпы роста не раскрытых преступлений по даче взятки в 2016 и 2018 года опережали темпы роста по ее получению. Количество не раскрытых преступлений связанных с получением взятки в 2018 году по сравнению с 2017 годом сократилось на 16,4 процента, на фоне роста нераскрытых преступлений связанных с их дачей, на 18,2 процента.

Присутствует тенденция сокращения удельного веса преступлений связанных с дачей и получением взятки в структуре преступлений коррупционной направленности, в течение всего анализируемого периода.

В качестве показателя эффективности борьбы с коррупцией является рост среднего размера взятки, который является условной величиной, т. к. выявить реальное количество взяткодателей и взяткополучателей в России, преследующих определенную выгоду, практически невозможно, в силу латентного характера этих преступлений.

Увеличение средней суммы взятки обусловлено валютными скачками, раскрытием всё более масштабных коррупционных преступлений совершенных высокопоставленными чиновниками (депутаты разного уровня, губернаторы, МВД, прокуратура, судьи и др.). Сегодня самая большая группа – почти 50 процентов дел о коррупции – это чиновник, из 13000 уголовных дел о коррупции, переданных в суд, в течение года, половина чиновники: 7 тысяч дел в год – 18 чиновников в день [7]. Чиновники и сами правоохранительные органы являются частью коррупционной цепочки.

Следует отметить и изменение способов передачи взятки: использование удалённого доступа, офшоров, аффилированных фирм, онлайн-систем [3].

В целях повышения эффективности борьбы со взяточничеством, необходимо увеличение срока за дачу и получение взяток, при этом следует учитывать как материальный так и нематериальный их характер, не имеющих стоимостной оценки, связанных с оказанием определенных услуг (получение научной степени, устройство на работу родственников, и т. п.).

Борьба с коррупцией в России будет более результативной, когда всеми правоохранительными органами реально будет выполняться, а не декларироваться, президентский указ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы».

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения: 09.11.2019).
2. В Российской Федерации общая сумма взяток в 2018 году составила 1,8 млрд рублей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// bulgartimes. com/v-rossijskoj-federatsii-obshhaya-summa-vzyatok-v-2018-godu-sostavila-1-8-mlrd-rublej/](http://bulgartimes.com/v-rossijskoj-federatsii-obshhaya-summa-vzyatok-v-2018-godu-sostavila-1-8-mlrd-rublej/) (Дата обращения: 09.11.2019).
3. Масштабы коррупции в России оказались недооценены [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newsland.Com/user/4297789135/content/masshtaby-korruptsii-v-rossii-okazalis-nedootseneny/6610389> (Дата обращения: 10.11.2019).
4. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map http://crimestat.ru/offenses_map (Дата обращения: 11.11.2019).
5. Состояние преступности за январь-декабрь 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru> (Дата обращения: 10.11.2019).
6. Рассчитан средний размер взятки в России за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fpbk.ru/news/raschitan_sredniy_razmer_vzyatki_v_rossii_za_2018_god/ (Дата обращения: 10.11.2019).
7. 18 коррупционеров каждый день [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://delovesti.ru/2019/03/19/18> (Дата обращения: 11.11.2019).

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ПРЕВЫШЕНИЕ ЕЁ ПРЕДЕЛОВ

Ульшина Ирина Владимировна

студент,

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Москва

EXTREME NECESSITY AND EXCEEDING ITS LIMITS

Irina Ulshina

student,

The All-Russian State University of Justice

(RLA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Moscow

Аннотация. В статье идет речь о таком уголовно-правовом институте как крайняя необходимость, который является неотъемлемым элементом демократического государства. Освещаются обстоятельства, признающие превышение пределов крайней необходимости. Также речь идет о том, что вред, причиняемый другим правоохраняемым благам, должен быть меньше. Поэтому в статье также рассказывается о соразмерности ценностей и средств их защиты.

Abstract. The article deals with such a criminal law institution as an extreme necessity, which is an integral part of a democratic state. The circumstances recognizing excess of limits of extreme necessity are highlighted. It also refers to the fact that the damnification caused to other protected goods should be less. Therefore, the article also describes the proportionality of values and their means of protection.

Ключевые слова: крайняя необходимость; превышение пределов; обстоятельство, исключающее преступность деяния; причинение вреда; уголовная ответственность.

Keywords: extreme necessity; exceeding the limits; valid defence; damnification; liability to prosecution.

Во всех странах мира на данный период времени крайняя необходимость признается как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Моментом возникновения состояния крайней необходимости считается момент столкновения гражданских интересов, охраняемых уголовным законодательством. Приходится жертвовать одним из них, а именно тем, который является не таким важным и значимым относительно другого.

Гражданин, оказавшийся в состоянии крайней необходимости, осознанно решает нарушить один из этих интересов во благо преимущественно ценного.

Данную ситуацию можно описать латинским выражением «De duobus malis minus est semper eligendum», что значит: «Из двух зол всегда выбирают меньшее». Как пишет Глушкова, эти действия несут пользу обществу, так как они не противоречат морали, а значит и закону [5].

Актуальность данной темы заключается в первую очередь в том, что крайняя необходимость как уголовно-правовой институт нужен в условиях формирования в России правового демократического государства и гражданского общества. Крайняя необходимость способствует предотвращению правонарушений и преступлений, гарантирует законность, стабильность и правопорядок. Её следует рассматривать как с юридической точки зрения, так и с социальной.

Крайняя необходимость представляет собой вынужденное действие лица, выраженное в причинении менее значительного (даже не равного) вреда тем находящимся под защитой российского законодательства интересам, которые по своей ценности менее значимы, для сохранения другого интереса.

Не является преступлением причинение вреда интересам, охраняемым законом, в случаях, когда опасность нельзя было ликвидировать иным средством [1]. Также необходимым условием для освобождения от ответственности является отсутствие превышения пределов крайней необходимости.

В ст. 39 УК РФ перечислены обстоятельства, признающие превышение пределов крайней необходимости.

Такой признак как явность проявляется в причинении вреда равного или более значительного, чем предотвращенный. Данный признак непосредственно связан с разумом гражданина, причинившего вред.

Стоит отметить, что при крайней необходимости вред причиняется исключительно третьим лицам. Так, убегая от грабителей, человек для того, чтобы их остановить, разбивает витрину магазина, таким образом,

он причиняет вред чужому имуществу, но при этом он спасает свою жизнь, которая, безусловно, имеет большую ценность.

Однако необходимо всегда учитывать тот факт, что вред, причиняемый другим правоохраняемым благам, должен быть меньше. Поэтому, осуществляя те или иные действия, нужно соразмерять ценности и средства их защиты. На данный момент, это является одной из проблем.

В связи с этим применяется сложившаяся и закреплённая на законодательном уровне иерархия ценностей общества и государства. Так, в ч. 1 ст. 2 УК РФ включен перечень объектов, охраняемых уголовным законом, определенная последовательность которого соответствует их ценности. Так, права и свободы человека и гражданина являются более значимым объектом относительно собственности, поэтому причиняя им вред при защите последней, проявляется определенное несоответствие причиненного вреда характеру и степени грозившей опасности.

Бесспорно, относительно жизни человека, все иные охраняемые объекты, которым угрожает опасность, признаются второстепенными. Однако нельзя сказать, будто жизнь 1-го человека считается большей ценностью, нежели жизнь иного человека. Потому спасение своей жизни за счет гибели другого лица не будет расценено как законное причинение вреда при крайней необходимости. Очень яркий пример привел Н.Г. Иванов. В ситуации, в которой пленного солдата под угрозой смерти вынуждают расстрелять своих товарищей, нельзя говорить о крайней необходимости, так как причиненный вред считается равным относительно вреда предотвращенного, а это обстоятельство является исключительным состоянием крайней необходимости [9].

Уголовная ответственность следует при умышленном причинении вреда, когда превышаются пределы крайней необходимости. При этом лицо должно осознавать, что оно причиняет или желает причинить вред, который будет равным или более значительным [1].

Интересен тот факт, что лицо не будет привлечено к уголовной ответственности, если оно никак не могло предвидеть причинения вреда равного или более значительного, однако могло и обязано было предугадать это обстоятельство либо предвидело вероятность причинения такого вреда, при этом самонадеянно рассчитывало на его предотвращение. Это свидетельствует о том, что может быть превышение пределов крайней необходимости без последующего привлечения к уголовной ответственности, если будут установлены условия крайней необходимости. При их отсутствии (отсутствие опасности, опасность никак не имела непосредственного характера, существующую угрозу можно было устранить другими средствами) ответственность наступает

за неосторожное преступление либо она исключается из-за невиновного причинения вреда.

В УК РФ нет составов, квалифицирующих причинение вреда при превышении пределов крайней необходимости, в связи с этим к уголовной ответственности лица привлекаются на общих основаниях, однако при этом учитывается п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК как обстоятельство, смягчающее наказание.

В актах обобщенной судебной практики можно обнаружить и правовые позиции по вопросам крайней необходимости.

Так, передача взятки или предмета коммерческого подкупа под воздействием вымогательства (п. «б» ч.5 ст. 290, п. «б» ч.4 ст. 204 УК РФ) отличается от не являющихся преступлением действий лица, вынужденного передать деньги, ценности, иное имущество, предоставить имущественные права, оказать услуги имущественного характера должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, при крайней необходимости или психическом принуждении, когда отсутствовали иные законные средства для предотвращения причинения вреда правоохраняемым интересам владельца имущества либо представляемых им лиц.

При крайней необходимости может совершаться также самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ), на что обращается внимание в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы». Примером стечения тяжелых обстоятельств, свидетельствующих о ненаказуемости содеянного, считается применение к военнослужащему насилия со стороны сослуживцев или командиров, когда в конкретной ситуации у него отсутствовала возможность иным способом сохранить жизнь или здоровье. Причинять или не причинять вред чужим интересам – это индивидуальная воля лица. Несмотря на это, принято выделять определенные группы лиц, работа которых непосредственно связана с действиями в состоянии крайней необходимости. Например, сотрудники пожарных частей должны разобрать близстоящие постройки, если на тот момент времени это было единственным средством для локализации пожара.

Опасность, которая устраняется путем акта крайней необходимости, должна быть непосредственной. Это означает, что она должна порождать такие условия, при которых будет причинен вред оберегаемым законодательством интересам личности, общества или страны, если немедленно не устранить этой опасности. Не будет считаться условием правомерности крайней необходимости только возможная, или вероятная

опасность. Именно поэтому в подобных случаях есть необходимость в правильной правовой оценке ситуации, которая в первую очередь заключается в рассмотрении субъективной стороны деяния. Следует понять субъективное отношение гражданина к произошедшему событию, его восприятие ситуации. Лицо, которое заблуждается в оценке ситуации, но могло и должно было правильно ее оценить, причиняет вред по неосторожности. Когда лицо действительно ошибается или обстановка происшествия никак не даёт возможности верной оценки ситуации, в этом случае можно говорить о невиновном причинении вреда. Но данные выводы имеют все шансы на существование с учетом всей совокупности данных о происшествии каждого конкретного случая.

Защита личных, общественных, государственных благ, интересов третьих лиц, а также юридических лиц – это главная цель реализации акта крайней необходимости.

Список литературы:

1. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2017. Т 1. – 792 с.
2. Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник. – М.: Новый Юрист, 2004. – 338 с.
3. Викторов И.Д. Уголовное право. Общая часть: учебник. – М.: Проспект, 2001. – 355 с.
4. Гаухман Л.Д. Уголовное право. Особенная и общая части: учебник. – М.: Юриспруденция, 2005. – 362 с.
5. Глушкова Е.М. Понятие крайней необходимости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №3. С. 100-103.
6. Грачева Ю.В. Уголовное право России общая и особенная части / Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М.: Контракт, 2017. – 384 с.
7. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов. Монография. — М.: РГУП, 2017. – 232 с.
8. Зуев В.А. Необходимая оборона и крайняя необходимость. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики. – М.: КРОСНА-ЛЕКС, 1996. – 416 с.
9. Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 559 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)//СЗ РФ – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам XXXIV международной
научно-практической конференции*

№ 10 (34)
Ноябрь 2019 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.11.19. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,625. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru